

The illustration depicts a scene with several characters. In the foreground, a woman with blonde hair in a green dress holds a wooden mallet over her head. Next to her, a man in a blue shirt looks on. In the center, a man in a dark suit and sunglasses has his hands clasped in a prayer-like gesture. To his right, another woman in a green dress looks towards him. On the far right, a man with a mohawk hairstyle and a blue shirt is partially visible. The background features three large, stylized faces: a blue one on the left, a grey one in the center, and a yellow one on the right. The overall style is a mix of realistic and stylized elements.

Валерий Вайнин

Вперёд, плаксы!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Вайнин

Вперёд, плаксы!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вайнин В.

Вперёд, плаксы! / В. Вайнин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0857-8

Переиздание в авторском варианте второй книги трилогии "Четвертое правило Мангуста", ЭКСМО, 2008. У Мангуста и его друзей внезапно появляются двойники-фантомы, задача которых уничтожить наших героев. В интриге участвует капитан угрозыска Светлана Сычева, подозревающая Мангуста в ограблениях и убийствах. Мангусту приходится одновременно опровергать ложные обвинения, распутывать клубок таинственных преступлений и защищать окружающих. Герой добился успеха, однако результат оказался вовсе не таким, как виделся ему в начале. И он все так же увлеченно преподаёт французский в школе. И ученики его обожают. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0857-8

© Вайнин В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Семь заповедей Одиноких Мангустов.

- 1. Найди Змея и убей его.*
- 2. Храни в тайне свою Сущность.*
- 3. Не используй свою Силу без крайней необходимости.*
- 4. Не вмешивайся в дела Человечества.*
- 5. Не принимай от людей помощи.*
- 6. Воспитай ученика.*
- 7. Если устал – уйди.*

Глава 1

В облезлом зеркале отражался голый по пояс тип, лет около тридцати. Его короткие темные волосы напоминали обувную щетку, взгляд выражал непреходимую тупость, зато сухие мышцы под загорелой кожей смотрелись эффектно. Таким симпатиям в Голливуде обычно предлагают роли зомби, вставших из могилы для прогулки в стриптиз-клуб. Но что поделаешь? Следует признать, что тип в зеркале – это я.

На прикрепленном к станку бумажном листе изображен был похожий парняга, только еще debilнее, если такое возможно. Причем на губах его застыла такая ухмылочка...словно он вообразил себя Моной Лизой, которую шибануло током. Господи, неужели и это я?! Дернул же черт взяться за автопортрет! Главное, рядом притулилась незавершенная Дашкина акварель: летний московский дворик, тополя, старуха с коляской... От этюда моей жены, безыскусного и неуверенного, исходило такое очарование, что мне хотелось быть от собственной бездарности. Однако не завыл.

За окном июльское утро чирикало птичьими голосами. Солнце через форточку тянулось к бумажному листу: подвинься, дескать, позволь уж мне. Но я не позволил, поскольку сдаваться не собирался. Взглянув на себя в зеркале, затем на автопортрет, я в досаде сжал грифель. Ладно, ребята, если с вами что-то не так, мы это поправим. Поработаем.

Тут зазвонил телефон. Сняв трубку, я отозвался:

– Зоопарк переехал. Справок не даем.

Из трубки донесся смешок:

– Француз, ты, что ли?

Я не отводил взгляда от своей нарисованной физиономии, прикидывая, как бы привести ее в божеский вид.

– Может, и француз, – проговорил я в трубку. – Но похож, скорее, на вьетнамца с примесью индейской крови.

Голос в трубке выразил недоумение:

– Глеб Михайлович, ты это... чо ты гонишь? Не узнал, что ли?

– Как не узнать? Узнал. Ты Вася Медведев по кличке Сильвестр.

Вася хохотнул.

– Завязывай с Сильвестром. Достал, блин.

– А ты завязывай с Французом. – Я наметил на рисунке тени под глазами. – Я в отпуске, у меня каникулы.

Из трубки послышалось сопение. Вася, очевидно, размышлял.

– К Французу я привык как-то. Извини.

– Извиняю. – Ухмылочка на автопортрете выводила меня из себя. – Василий, ты по делу звонишь?

– Ну.

– Выкладывай, не тяни.

Васин голос слегка напрягся.

– Короче, так. Тут один пацан хочет срочно с тобой перебазарить. Ты в час дня свободен? Я почесал грифелем нос.

– Что за пацан?

– А хер его знает. В кабаке вчера привязался: сведи, говорит, с Французом, информация, говорит, у меня для него убойная.

Кто бы на моем месте не проявил любопытства?

– Как звать его, спросить не догадался?

– Брось эти примочки, – обиделся Вася. – Не называет имени, фраер. Только Французу, говорит, скажу.

Интерес мой возрос.

– Как выглядит?

– Да никак, – отрапортовал Вася. – Росточка небольшого, крепыш... Вроде, мелькала где-то его рожа, но где – хоть убей, не врубаюсь. Короче, либо забиваем стрелу, либо я его посылаю. Как скажешь, Глеб Михайлович.

Я взглянул на часы: без четверти одиннадцать.

– Ладно. Считай, заинтересовал.

– Тогда назначай место, без понтов.

– Бар при кафе «Амброзия» знаешь?

– Ну.

– Встречаемся там в час дня.

– О, кей. – Вася дал отбой.

Попытавшись по инерции обдумать, что бы все это значило, я сразу понял: гадать бесполезно. При встрече, вероятно, что-то прояснится. А пока, есть еще время поработать над треклятым портретом. Чем я и занялся, но мало преуспел. Хмырь на рисунке, перестав ухмыляться, казалось, готов был вцепиться в глотку своему творцу. Отражение в зеркале при том нервно мельтешило, собираясь, похоже, слинять. В этом безобразии, мол, не участвую.

– Без паники, ребята: я только учусь, – сказал я примирительно. И подправил своему портрету ухо, чтоб невзначай не отвалилось.

В дверь позвонили.

– А вот и Гольдберг! – обрадовался я, открывая.

Илья – школьный друг моей жены. Все годы ученья они просидели за одной партой и умудрились при этом друг другу не осточертеть. Надо заметить, я хорошо их понимаю. Двоих таких... не могу даже подобрать слова – двоих таких, ей-богу, мне встречать еще не приходилось. Супружница Ильи занимается сетевым бизнесом, и, в силу его специфики, их дом вечно полон галдящих дистрибьюторов. А Илюша преподает в ВУЗе математику, и математических идей у него, само собой, как у дурака махорки. Ну и где ж ему эти идеи воплощать, если дома сплошной тарарам? Разумеется, Илья приходит работать к нам с Дашкой.

– Шолом! – произнес Илья, переступая порог. – Что ты улыбаешься, как серийный убийца? – Пригладив курчавую бороду, Илья снял очки. Под мышкой у него была неизменная потертая папка.

– Я не убийца, я только учусь. Извини, старик, мне придется ненадолго тебя оставить. – Я надел к джинсам синюю рубаху с коротким рукавом. – Захочешь поесть-попить, открой холодильник.

Мы проследовали на кухню. Илья выложил из папки на стол бумажные листы, испещренные дифуравнениями, и полюбопытствовал:

– Куда намылился?

– Деловая встреча. – Присев на табурет, я натянул кроссовки. – Вернусь где-нибудь через час.

Илья фыркнул:

– И где же состоится так называемая деловая встреча?
– В кафе «Амброзия». Тебе-то что?
– Ни фиги себе! Не успела жена улететь в Токио... На сколько она, кстати?
– Недельки на три.
– Угу. Не успела жена улететь в Токио, как он мчится, задрав штаны, в какую-то «Амброзию» на какую-то деловую встречу. Вернусь, говорит, через час. Ха-ха!
Завязав шнурки, я встал с табурета.
– Гольдберг, расслабься.
Илья достал из холодильника бутылку минералки, налил в чашку и выпил.
– Дашка звонила?
– Около трех ночи.
– Как долетела?
– Без приключений. Такэру ее встретил и передал большой привет тебе лично. Интересовался, не надо ли кому сделать обрезание.
Илья хохотнул.
– Запомнил, стервец!
– Еще бы. При этом сокрушался, почему вы со Стасом не прилетели.
– Мы это уже обсуждали. А вот почему ты...
– И это мы обсуждали, – отмахнулся я. – Не видал я вашей Японии.
Илья посмотрел на меня умными карими глазами.
– Ну да, тебе надо срочно освоить живопись. Рафаэль ты наш...
– А вот этого не будем! – разозлился я. – Вовсе не претендую! Малюю себе, никого не трогаю!
Илья поклонился.
– Премногим обязаны. Не желаешь ли похвалиться достижениями?
– Нет! – закричал я. – Не желаю!
Но Илья ввалился уже в комнату, встал напротив моего автопортрета и, поглаживая бороду, изрек:
– Сходство налицо. Блудодей и агрессор.
– Слушай, старик! – вскипел я. – Ведь я же к тебе не лезу...
– А это чье? Дашкино? – указал он на акварельку.
– Ага. Тоже не нравится?
– Скажу одно: вы друг друга стоите.
– Благодарю, – прошипел я. – Ты просил не лезть в твою математику – я не лезу. Но если ты позволяешь себе прохаживаться по поводу незаконченных наших работ... На войне как на войне! – Я устремился на кухню.
Илья – за мной.
– Старик, ты классно рисуешь! Пикассо может отдыхать!
– И Пуанкарэ тоже. – Я взял наугад один из листов с его уравнениями.
Илья тщетно пытался отобрать свою собственность.
– Отдай, морда! Шутки не понимаешь?!Но я отыскал, что было нужно, и злорадно произнес:
– Так-так. Корень из трех под интегралом – лажа.
– Не трепись, – встревожился Илья.
Я вернул ему лист и ткнул пальцем.
– Вот. Корень сократился, а ты забыл и потащил его сюда. Раззява.
Илья всмотрелся.
– Прав, чтоб тебя! – покраснел он. – Когда в доме из каждой щели прут дистрибьютеры, немудрено...

– А вот тут, – опять ткнул я пальцем, – вы, господин Лобачевский, минус потеряли. Стыдно, батенька: прямо как нерадивый школяр.

Илья ткнул уравнением мне в нос.

– Разуй глаза, ослиная башка! Вот минус меняется на плюс! Видишь?!

Я подарил ему снисходительную улыбочку.

– Конечно, конечно. Только вот при этой подстановке, – я ткнул пальцем в третий раз, – ваш плюсики, сэр, вновь меняется на минус. Не сочтите за труд убедиться.

Илья, конечно же, убедился.

– Чтоб ты лопнул, Мангуст чертов!

– И давай договоримся, – развил я успех, – ты не обзываешь меня Рафаэлем, а я не дразню тебя Лобачевским. Идет?

Илья уткнулся в свои формулы.

– Чтоб тебя дистрибьютеры заели, задница!

– Вот на этой оптимистической ноте позволь удалиться. – Я направился в прихожую.

В спину мне тренькнул телефонный звонок. Взявшись за ручку двери, я притормозил. Илья прошел в комнату, и оттуда послышался его голос:

– Алло! Нет, это не Глеб Михайлович... Квартира-то его, но в данную минуту он практически ушел... Простите, а вы кто? – Илья просеменил с трубкой в прихожую, рассчитывая, что я сам приму решение отозваться или ускользнуть. – Зинаида Павловна? Директор школы, где он работает?... – Илья сигнализировал мне бровями. – Даже не знаю, Зинаида Павловна, чем вам помочь...

Я со вздохом взял трубку.

– Здравствуйте, Зинаида Павловна. Рад, что вы меня помните.

Голос моей директрисы звучал сухо и обличающе.

– Своеобразные у вас друзья, Глеб Михайлович.

– Не жалуюсь, – столь же сухо ответил я.

– Так вы ушли *практически* или как?

– Вернулся с полдороги. Вдруг, думаю, звонит начальство, а я не на посту. И как в воду смотрел.

Илья показал мне большой палец. Директриса, однако, его одобрения не разделяла.

– Ваш юмор, Глеб Михайлович, оставляет желать лучшего.

– Знаю, вы меня давно в этом убедили. Чем обязан?

Из трубки донесся вздох.

– Не собираюсь с вами собачиться, Глеб Михайлович: и без того забот хватает. Мне просто нужно выяснить, когда вы планируете покрасить классы на втором этаже. Там придется еще потом полы подремонтировать, так что... Как насчет следующей недели?

Подслушивающий у трубки Илья воззрился на меня в изумлении. А я обалдел настолько, что не сразу нашелся с ответом.

– Зинаида Павловна, разве у нас учитель французского обязан выполнять малярные работы?

– Разумеется, нет. Я бы не стала об этом и заикаться, но...

– Все же заикнулись. Вдруг проскочит.

– Глеб Михайлович, что за тон? – В голосе Зинаиды Павловны прозвучала растерянность. – Я не стала бы вас просить, если бы Дарья Николаевна сама не предложила. Вы же знаете, какие средства нам отпускаются. Если есть возможность на чем-то сэкономить...

– Какая к свиньям Дарья Николаевна? – перебил я, глянув на часы. – Почему вы слушаете Бог знает кого?

– Как это? – Директриса, похоже, совсем растерялась. – Дарья Николаевна – ваша жена. По ее словам, покраска помещений – ваше любимое занятие и, если вам не мешать...

– Погодите, погодите, – мы с Ильей обменялись взглядами, – при чем тут моя жена? Откуда вы ее знаете?

– Как это? – повторила Зинаида. – Мы познакомились с ней... Какой сегодня день?

– Понедельник, – подсказал Илья в трубку.

Не прореагировав на изменение голоса, Зинаида пробормотала:

– Уже не знаю, на каком я свете. Дарья Николаевна была у меня в пятницу и сказала: «Если ему не мешать, то...»

– Что ей у вас понадобилось? – вновь перебил я. – Только, пожалуйста, не произносите «как это».

Директриса явно опешила.

– Глеб Михайлович, вы не в курсе? Дарья Николаевна устроилась к нам в школу преподавателем английского. В пятницу я приняла у нее документы.

– Что-о?! – взревел я.

Илья привалился к стене, корчась от смеха. А Зинаида поспешила меня умаслить:

– Должна признаться, я в жизни еще не видела такой красавицы, как ваша жена. С ее отличным дипломом я была счастлива принять ее в наш коллектив. Странно, что она вас не проинформировала.

– Так, значит, – буркнул я. – Устроившись на работу, она тотчас предложила использовать меня в качестве маляра. «Если ему не мешать, – заявила она, – он выкрасит всю школу в одиночку.» Не так ли, Зинаида Павловна?

От хохота Илья завалился набок.

Директриса жалобно вздохнула.

– На всю школу я не претендую. Но хоть классы на втором этаже...а, Глеб Михайлович? Что было делать?

– Возможно, – ответил я.

Она мигом воспряла духом.

– Как насчет следующей недели? Выкроите время?

– Постараюсь. Ну ладно, обещаю: на следующей неделе.

Как только я дал отбой, Илья поднял руки вверх.

– Ни сном, ни духом. Клянусь.

– Верю. – Я передал ему телефонную трубку. – Это месть за то, что я не полетел с ней в Токио.

– Если честно, – усмехнулся Илья, – удивительно, как она вообще согласилась лететь без тебя.

– Возобладал разум. – Я приоткрыл входную дверь. – Пока, не скучай.

– Ой, опоздаешь, – побеспокоился Илья.

– Нет, – заверил я. – Времени навалом.

Увы, я ошибался. Как говорил мой учитель Стивен Пирс, время никогда не бывает в избытке, его всегда не хватает.

Глава 2

На скамейке у подъезда расположились старик со старухой и женщина с грудным младенцем. Все блаженно шурились на солнышко. Я поздоровался. По московскому обычаю никто не ответил. Будто напоминая мне четвертую заповедь Мангустов: «Не вмешивайся в дела Человечества».

Денек был загляденье. На небе ни облачка, влажность низкая – словом, тепло, но не жарко. Я шел, и земля пружинила, подбрасывая меня, как на батуте. Хотелось двигаться гигантскими прыжками на зависть кенгуру. Однако, чтобы не выделяться на городском ландшафте, приходилось довольствоваться скромной поступью школьного учителя.

До кафе «Амброзия» было два пути: короткий, дворами, и длинный, через сквер. В такой денек, разумеется, я выбрал последний. Народу в этот рабочий понедельник было раз, два и обчелся. Сквер выглядел райским уголком, в который неведомо каким ветром занесло пару цыганок: молодую вертушку в алых одеждах и старую каргу, одетую в черное. Старуха стояла чуть поодаль, держа апатичную ладонь господина в полотняном костюме. Господин сей, то бишь клиент, демонстрируя взорам бледную плешь, безмолвно слушал бормотанье старой гадалки. Молодуха меж тем ринулась ко мне.

– Постой, красавец! Дай погадаю, судьбу предскажу!

– Не сегодня, – попробовал уклониться я.

Разумеется, не тут-то было.

– Десяти рублей жалко, да? – Цыганка не давала мне проходу. – Не жмись, счастье свое узнаешь!

Я протянул ей полсотни.

– Возьми и оставь меня в неведении.

Глаза цыганки алчно вспыхнули. Выхватив купюру, она вцепилась в мою руку.

– Зачем торопиться, красавец?! Хочешь, сниму твою сердечную боль?!

– В другой раз. – Я отнял руку.

Старуха меж тем, отлипнув от клиента, направилась в нашу сторону. А клиент ее, господин в полотняном костюме, оставался на месте, подставив лицо солнышку, а нам все так же демонстрируя плешь.

– Можешь не платить! – Молодая цыганка скользнула взглядом по карману моих джинсов, где, по ее расчету, лежали деньги. – Тебе, красавец, бесплатно скажу: кто тебя сглазил, кто сохнет по тебе...

Старуха, приближаясь, крикнула по-цыгански:

– Пошли отсюда! Быстрее!

– погоди! – по-цыгански отозвалась молодая. – Сперва ошпилю этого петушка! – И обратилась ко мне по-русски: – Дай ручку, не укушу!

Сцена стала меня забавлять. Я протянул ей ладонь.

– Без обмана?

Бабенка выиграла, как призовая кобыла перед скачкой.

– Какой обман?! Зачем обман?! Всю правду скажу!

Тут подковыляла старуха и буквально выдернула у нее кисть моей руки.

– Сказано, пойдем! – шикнула она товарке по-цыгански. А мне подарила улыбку, напоминающую оскал черепа в анатомичке, и по-русски предложила: – Дай-ка я тебе погадаю, мальчик!

– Ладно, – кивнул я. – Только в темпе.

Поднеся мою ладонь к подслеповатым глазам, старуха воззрилась на нее с видом археолога, нашедшего мумию фараона в собственной кровати, затем, пошамкав губами, перевела

взгляд на мое лицо. Я с трудом сохранял серьезную мину. При этом молодая цыганка смотрела на меня как сообщница и разве что не подмигивала. Но далее последовало нечто невероятное.

Старая гадалка присела вдруг на корточки и обхватила мои ноги.

– Мы не знали, – пробормотала она по-цыгански. – Прости, светозарный.

Как описать мои ощущения? Надо заметить, что молодуха была в еще большем отпаде и по-цыгански произнесла:

– Сильва, ты свихнулась?

– Заткнись, сучка! Ни слова больше! – взвизгнула старуха и опять же по-цыгански обратилась ко мне: – Ведь ты нас понимаешь, светозарный?

Прочистив кашлем горло, я ответил на ее диалекте:

– Понимаю твою речь, но не постигаю смысла.

Молодуха, казалось, вот-вот рухнет в обморок. Если б перед ней заговорила Валаамова ослица, она, безусловно, удивилась бы меньше. Старая цыганка меж тем продолжала сжимать мои колени.

– Смысл прост, – сказала она. – Не знаю, кто ты, но вижу твою сущность. И я прошу тебя, светозарный, – она вдруг обернулась и махнула рукой на господина в полотняном костюме, – убей его! Быстро убей!

Тут время словно замедлилось.

Недавний клиент старухи невозмутимо, точно гипсовая статуя, стоял к нам спиной метрах в пятидесяти и грел лицо на солнышке, сверкая плешью. Наш более чем странный разговор, казалось, ничуть его не занимал: стою, дескать, загораю – никого не трогаю. Шагах в двадцати от нас остановилась парочка тинэйджеров, паренек с девчонкой. Гоняя во рту жвачку, они отпускали шуточки по нашему адресу. Мы с молодой цыганкой обменялись взглядами – для того лишь, чтоб убедиться в реальности происходящего. И, не придумав ничего лучшего, я спросил у старухи:

– Почему?

С фанатичной страстью она ответила:

– Он несет большие беды! Только ты с ним сладишь, светозарный! Убей его, убей!

И в этот момент объект ее неприязни, будто загорать ему наскучило, стронулся наконец с места и лениво поплелся по скверу.

– Не упusti, светозарный! – возопила старуха. – Убей его, пока не ушел!

Черт побери, этого мы с учителем не проходили. Но я был почти уверен: слова старухи – не бред сумасшедшей. Тем более, что меня она расколола без труда, а такое со мной впервые. Стив Пирс не предупреждал, что такое вообще возможно, хоть прожил более тысячи шестисот лет. А господин в полотняном костюме тем временем с ленцой удалялся. Елки-палки, хотя бы прощупать его я должен?! Освободив ноги от объятий гадалки, я пошел за ним.

– Эй, постойте! – крикнул я. – Не могли бы мы поговорить?

Но сей господин, судя по всему, общаться со мной не собирался. Он ускорил шаг, не оглянувшись. Плечи у него были узкие, а зад, как стало заметно при ходьбе, непропорционально велик. Вежливо повторив призыв остановиться, я, что называется, наддал. Но, в точности как описывает классика, «наддала и вдова». Господин в полотняном костюме, взбрыкивая нижней частью тулова, перешел на бег. Возник вопрос: что делать? Я мог настичь его в два-три прыжка. Однако народа в сквере было хоть и негусто, но вполне достаточно, чтобы разползлись слухи о моих спортивных подвигах. Поэтому я тоже побежал, но не слишком прытко – так сказать, с оглядкой. Куда этот хмырь от меня денется?

Увы, Мангустам тоже следует менять устоявшиеся веками стереотипы.

Внезапно свернув с аллеи, господин в полотняном костюме ринулся на проезжую часть. Послышались автомобильные гудки. Однако «фигурант» благополучно пересек дорогу. На этом его маневре я потерял полминуты, и, также оказавшись на той стороне, увидел, как этот

хмырь, запыхаясь, трусил по узкому переулку. Увеличив темп, я свернул туда же. Ситуация, надо заметить, была нелепая. Когда в ушах перестали звучать вопли старой цыганки, я почувствовал себя полным идиотом. Меж тем объект моего преследования нырнул в подворотню. Промчавшись разделявшую нас стометровку, я свернул за ним.

Господина в полотняном костюме в подворотне уже не оказалось. Там, привалившись к стене, сидел алкаш в лыжной шапочке и посасывал из банки пиво. Я собрался было проскочить во двор, но дорогу мне преградил худощавый парень в джинсах и рубаше с коротким рукавом.

– Привет! – сказал он и усмехнулся, наблюдая мою растерянность. – Очень спешишь, да?

Занятный это был парень. Физиономию его можно описывать по-разному, но мне лично она изрядно поднадоела. Сегодня, к примеру, я все утро пялился на нее в зеркало и пытался воплотить в рисунок. Словом, это была точная моя копия. И одет он был в точности как я.

– Язык проглотил? – продолжал он усмехаться. – Расслабься, приятель.

И голос у него был в точности мой. Если б существовали клоны... Однако сколько можно на него тарашиться? Не вступая в препирательства, я попытался молча его обогнуть. Он не позволил, и на лице его... Боже, неужели у меня бывает столь мерзкая ухмылка?

– Подеремся? – предложил он.

Что ж, чему быть – того не миновать. И разумнее обойтись без речей, тем более – бессмысленных.

Я направил джеб ему в челюсть и приготовился ловить падающее тело. Но он ушел от удара. Это было невероятно: *ни один человек в мире этого бы не смог*. Кроме Мангуста, да и то... Черт возьми, что все это значит? Если это мой клон (что просто невероятно), сохранивший, к тому же, способности Мангуста (что практически невозможно) – чего стоят мои представления о Вселенной?

Меж тем двойник мой, изящно извернувшись, нацелил ступню мне в кадык. Я едва уклонился. Как говорится, не разевай варешку. Похоже, в скорости он мне не уступает... Или все же уступает? Ну-ка, ну-ка!

Обменявшись с двойником серией выпадов (удар-блок, удар-блок), я заметил, что он стал запаздывать с реакцией, а затем даже запыхался. Через минуту-другую я мог взять его, что называется, голыми руками. Но он не дал мне такой возможности: внезапно отпрыгнул и метнулся во двор. Промедлив от неожиданности, я рванул за ним. Однако, увы. Двор оказался проходным, и, конечно же, ни моего двойника, ни, тем более, хмыря в полотняном костюме там не наблюдалось. Лишь почтенные обыватели микрорайона с колясками, собаками и прочим. Но почему-то я был уверен, что свидание с моим двойником повторится. При чем ждать придется недолго.

Я посмотрел на часы. До встречи в «Амброзии» времени оставалось в обрез. И все же я решил быстренько вернуться в сквер и задать старой цыганке несколько вопросов про нехорошего дядю, которого она мне заказала. Проходя подворотню, я наткнулся на алкаша в лыжной шапочке, который все так же сидел у стены с пивной банкой меж колен. Заплетающимся языком он проговорил:

– Слышь, мужик... а у тебя че, тренировка была, да?

Только тут до меня дошло, что у моего поединка с двойником был свидетель. Ну и кино прокрутилось перед его затуманенным взором!

– Вроде того, – буркнул я, проходя.

И он сказал вдогонку:

– Грамотно работаешь, мужик. Почти как я в армии.

– Ты мне льстишь, – отозвался я. Но в словах его что-то меня царапнуло. Что-то настолько ирреальное, что ухватить было трудно.

Пройдя назад по переулку, я пересек дорогу (на сей раз по правилам) и вновь оказался в сквере. Цыганок моих я увидел метрах в трехстах. Но что-то с ними было не в порядке. Вернее,

с интересовавшей меня старухой. Шипя, точно змея, она металась из стороны в сторону и хватала воздух скрюченными пальцами. Ее молодая подруга, испуганно лопоча, пыталась ее успокоить, но старуха в ярости пиналась и царапалась. Я направился к ним вдоль сквера, но, как ни торопился, опоздал.

Пронзительно визжащая старуха – то ли кого-то преследуя, то ли, наоборот, удирая, – выскочила на проезжую часть и тотчас угодила под туристический автобус, несшийся под уклон. Автобус, прежде, чем успел затормозить, проехал по ней всеми колесами, оставив на асфальте кровавое месиво в лоскутах черного тряпья. Транспорт встал, образовалась пробка, послышались крики ужаса. Молодая цыганка сперва оцепенела, затем с воплями бросилась к останкам старухи. Я уже не в силах был им помочь. Оставалось лишь идти, куда шел: на стрелку в кафе «Амброзия». Тем более, что и туда я уже опаздывал.

Странная штука – судьба, подумал я. Интересно, как бы все обернулось, пойдя я не длинным путем, а дворами. Кто знает, кто знает... Во всяком случае, этот понедельник уже проявил себя во всей красе.

Мне было еще неизвестно, что ждет меня в ближайшие часы.

Глава 3

Как ни удивительно, в это время суток бар в «Амброзии» не пустовал. Заняты были два столика, и за каждым из них сидели трое. За одним... черт его знает: братки-не братки, очевидно только, что одной с ними крови. Выглядели как положено: в спортивных костюмах, двое короткостриженных, один лысый – не придерешься. Они бесхитростно глушили водку. В час дня, в июльскую жару. Что ж, как говорится, Бог в помощь.

За другим столом расположились двое нормальных, вроде бы, мужиков, и миловидная стройная девушка, русоволосая, с модной стрижкой. Один из ее спутников, лет сорока, слегка полноватый и суровый, нетерпеливо поглядывал на часы, будто ждал кого-то. Другой, студенческого возраста, высокий и здоровенный, улыбался в тридцать два зуба, развалился на стуле, который, казалось, вот-вот под ним треснет. Троица эта с достоинством потягивала пиво, заедая сырными чипсами.

Остальные шесть столиков были свободны, и, хоть опоздал я на десять минут, никто не встретил меня упреками. То ли сами еще не явились, то ли обиделись и ушли, что маловероятно. Ладно, решил я, мы не гордые – подождем. Я подошел к барной стойке.

– Привет, Антон! – улыбнулся я пареньку-бармену. – Как это вы сегодня без музыки?

Антон улыбнулся в ответ.

– Да вот, – кивнул он на клиентов, – просили не беспокоить. Тебе сок, как обычно?

Парень знал мои привычки. Прежде здесь работала барменша по имени Катя, но... больше не работает. Теперь мы с Антоном неплохо находим общий язык.

– Апельсиновый, – уточнил я.

– И со льдом, – уточнил в свою очередь бармен.

– Само собой. И главное, соломинку.

Сразу расплатившись, я сел с бокалом сока за свободный столик и попытался привести в порядок свои мысли. Но такой возможности мне не дали. Один из братков, а именно – лысый, встал и вразвалочку направился ко мне.

– Здорово! Как житуха? – проговорил он с прищуром. – Нормалек, да?

– Не жалуюсь, – отозвался я вежливо.

Лысый возвышался надо мной, держа руки в карманах. Осанка его и движения не были типичны для заурядных качков, а более подходили тренированному опытному бойцу. Его сотоварищи наблюдали за нашим диалогом, предвкушая потеху. За другим столиком девушка вела приглушенную перепалку со своими спутниками, и по сторонам никто из них особо не глазел.

– Сочком, значит, балуемся, – осуждающе произнес лысый.

– Если ты не против, – ответил я, потягивая сок через соломинку.

Он ухмыльнулся.

– А если против?

– Обсудим в рабочем порядке.

Разговор в подобном игривом тоне, похоже, перестал его забавлять, и он перешел к делу:

– Насчет выпивки подсуетишься?

Я покачал головой.

– Нельзя, вредит здоровью.

– Я в смысле водярой нас угости. Пара пузырьков – и ништяк.

– Шиш тебе с маслом.

Моя невоспитанность его изумила. Братаны за столиком приподнялись, и один из них горько меня упрекнул:

– Ты че, блин, оборзел?!

Лысый успокоил его жестом. Затем обернулся ко мне, излучая дружелюбие.

– Думаешь, я дам тебе уйти?

Я кивнул.

– Уповаю на Господа.

Эта реплика почему-то особенно его раззадорила. Прочистив горло затейливым матюгом, прямодушный мой собеседник объявил:

– Ну все, ты – труп.

Бармен Антон поспешил вмешаться:

– Сейчас охрану вызову!

Лысый тут же ему объяснил, что он сделает с его охраной, с его говеным баром и с его родней по женской линии. Девушка за столиком прервала перепалку со своими спутниками, и все трое с интересом посмотрели в нашу сторону. Елки зеленые, не многовато ли для одного дня?! Ей-богу, еще мгновение – и я в порошок сотру эту мерзкую харю с двумя его гоблинами. Стив Пирс не уставал мне вдалбливать: «Контролируй себя. Что бы ни случилось – контролируй. Ведь ты воин, черт бы тебя драл». Я стараюсь, учитель. Видит Бог, стараюсь.

– Зачем так нервничать? – сказал я лысому. – Все когда-нибудь умирают: кто раньше, кто позже. Надо ли по этому поводу стулья ломать?

– Надо! – рявкнул лысый, хватая стул за спинку. – Об твою башку!

Утихомиривать его, хвала Аллаху, не пришлось, так как в баре появились новые действующие лица: опоздавший Вася с четырьмя бугаями.

– Привет, Француз! – крикнул он с порога. – Давно тут загораешь?

Я нахмурился.

– Угадай, блин!

Лысый благоразумно оставил стул в покое. Однако наметанный глаз Василия мигом засек диспозицию.

– Какие-то проблемы, Глеб Михайлович? – Он пронзил лысого взглядом. – Тут кто-то возникает?

Я помедлил с ответом. Повисла тишина. Девушка и оба ее мужика буквально ели меня глазами.

Братки лысого, само собой, напряглись, так как четыре Васиных бугая взяли их в кольцо. Глядя на шестерых этих парняг, можно было обалдеть: Боже правый, как они различают, кто свой – кто чужой? Ведь их же мать родная перепутает.

Бармен Антон меж тем лихорадочно соображал, вызывать охрану – своих личных бандитов – или воздержаться. При этом он усиленно, едва ли не до дыр, протирал салфеткой стойку.

– Никаких проблем, – разрядил я обстановку. – Мы просто обменялись мнениями о событиях на Ближнем Востоке.

Лысый процедил сквозь зубы:

– Попадешься – урою.

Вася посмотрел на него как на больного.

– Братан, без понтов, ты вообще чей?

Лысый ответил ему холодным взглядом, в глубине которого промелькнула насмешка.

– В смысле солнцевский или таганский? Тебе-то что?

– Мне-то все фиолетово. Смотри только, попадешь за язык.

Лысый взглянул на него с прищуром.

– Грози своим мандавошкам.

Вновь повисла тишина. Я потягивал сок через соломинку.

Вася ткнул пальцем себя в грудь.

– Кто грозит – я? Брателла, ты че-то не въезжаешь. Я вообще могу шас выйти с пацанами. Оставлю тебя с Французом разбираться, без понтов. Занешь, че будет с тобой и твоими бакланами?

Лысый, собравшийся было произнести нечто забористое, резко вдруг передумал. Это было заметно по его лицу.

– Лады, братан. Непонятки вышли, извини.

Вася хлопнул его по плечу.

– Все путем. Проехали.

Лысый направился к выходу.

– Сваливаем, ребя. Тут без мазы.

Парни его поднялись с видимым облегчением, и все трое вышли из бара.

Четверка Васиных бугаев заняла позицию у двери. Сам Василий плюхнулся ко мне за столик, сверкая улыбкой. Прежде чуть ли не половина его зубов была в золоте. Однако недавно, после некоторой корректировки, зубы его стали такими белыми и ровными – просто загляденье. Теперь Вася улыбается при любой возможности, что благотворно влияет на его криминальный характер.

– Вот, блин, – подмигнул он мне, – недоглядишь за тобой, обязательно в историю влипнешь.

Я высосал последние капли сока.

– На фиг ты влез?

Вася улыбнулся шире.

– Ты ж не любишь демонстрировать свою крутость. Без понтов.

Я покосился на его оживленную физиономию.

– Тогда зачем ты намекал, что я их гоп-компанию по стенке размажу?

Он отмахнулся.

– Базар – он базар и есть. К делу не пришьешь.

– Умный. – Я постучал по стеклу своих часов. – Где хваленая бандитская пунктуальность? Где пацан, который хотел со мной встретиться? Щас предьяву тебе делать буду.

Вася помрачнел.

– Слышь, Француз... Глеб Михайлович, облом получился. Мы должны были с ним встретиться и к часу сюда подрулить. Ну вот, блин, ждали его, ждали... Только что позвонил мне на мобилу: «Не могу сегодня, – говорит, – проблемы возникли. Перенеси встречу.» – «На когда?» – спрашиваю. – «Перезвоню», – говорит. И отрубился, сучок. Извини, Глеб Михайлович.

Если б у меня были усы, я бы их подергал.

– Интересный компот, – сказал я.

Решив, что я очень расстроился, Вася повторил:

– Извини. Скажи, что сделать. Сделаю.

Я посмотрел на него в упор.

– За базар отвечаешь?

– Ну.

– Сделай вот что. Говори нормальным русским языком, без ублюдочной вашей терминологии. Напрягись, у тебя получится.

Василий зыркнул на своих бугаев, балакающих у двери. Затем взглянул на меня, прищурив глаз.

– А сам?

У меня зачесалось в носу.

– Я тоже не буду.

– Без понтов?

– Ну.

Он рассмеялся.

– Попробую. – Вася встал со стула. – Значит, если этот сучо...этот малый позвонит, я тебя дерну...э-э...с тобой свяжусь.

Я кивнул.

– Заметано.

Он посмотрел на мой бокал с тающими осколками льда.

– Идешь или как?

– Посижу еще. О жизни подумаю.

Вася выдал мне улыбку на десерт и в сопровождении соратников удалился. А я, поскольку торопиться было некуда, подошел к барной стойке.

– Повтори то же самое.

Наливая сок в бокал со льдом, бармен вздохнул.

– Обошлось, слава Богу. Вовремя ваши знакомые подоспели.

– Да, повезло. – Расплатившись, я взял сок.

Пока я шел к столику, бармен врубил кассетник, и динамики изрыгнули струю мутной попсы. В досаде я обернулся, и сообразительный Антон убавил громкость. Троица за пивом и чипсами под стенания прибалтлившей певицы что-то сердито обсуждала. Я сел за столик и потянул через соломинку апельсиновый сок. Можно было поразмышлять.

Некоторые сегодняшние эпизоды смутно меня тревожили. Печенкой я ощущал некоторые несоответствия, но не мог определить, в чем, конкретно, они заключаются. Во-первых, пьянчужка в подворотне. После драки с двойником он спросил, не было ли это тренировкой, а затем добавил...

Внезапно один из пивной троицы, полноватый суровый мужчина, повысил голос:

– Я сказал! – Он осанисто поднялся.

Девушка шваркнула по столу кружкой.

– Это еще не закон!

– Увидим! – Поджав губы, мужчина вышел из бара.

Здоровяк, напоминающий студента, обронил:

– Приключений ищешь?

– Умолкни! – буркнула девушка, и они тихо о чем-то заспорили.

Бог с ними, решил я, не будем отвлекаться. Пьянчужка из подворотни затем добавил: «Грамотно работаешь, мужик. Почти как я в армии». И что же меня здесь смущает? Что, черт возьми, в этой реплике особенного? Пока не соображу, но вопрос остается открытым. Это первое. Теперь второе. Двойник мой также меня беспокоит. Речь идет, разумеется, не о том, что при виде его я не пришел в восторг. Он сам и хмырь в полотняном костюме, и старая цыганка, которая требует «убей» и сразу гибнет под колесами... – весь этот «сюр» я выношу пока за скобки: как говорится, без пол-литра тут не разберешься. Беспокоит меня другое. Во внешности моего двойника имеется некоторая несообразность, которую при фотографической моей памяти уловить я все же не могу. Готов поклясться, он точная моя копия и одет в точности как я сегодня. Однако что-то в нем не так.

Девушка меж тем вновь саданула кружкой по столу.

– Пошел на хрен, слюнтяй!

– Я не слюнтяй, – возразил громадный парень. – Просто умею считать на пальцах.

– Если б умел! Пойди в песочек поиграй!

Зыркнув в мою сторону, они опять приглушили голоса. Впору было покачать головой: «Эх, молодежь!» Я вернулся к тревожным своим мыслям. Наконец, третье: лысый задира, приставший ко мне и укрощенный Васей. Вернее, как бы укрощенный. Я был уверен, что он мог бы положить Васю на колено и ладонью прихлопнуть. Но не прихлопнул, а доломал до конца комедию, смысл которой от меня ускользает. Одно из двух: либо он имел что-то против меня лично, либо с нынешнего утра у меня прогрессирует паранойя. Любопытно, среди Мангустов

бывали психи? Мой учитель, увы, этой проблемы как-то не коснулся. А зря. Сумасшедший Мангуст – тем более, буйный – мог бы задать Человечеству такого жару... Однако вообразить столь головокружительные перспективы мне помешали.

Буркнув что-то своему парню, девица поднялась и отпихнула ногой стул с висящей на нем увесистой сумкой.

– Сядь, – неуверенно проговорил парень.

– Отвали, надоел! – Слегка пошатываясь, девица двинулась в мою сторону.

На ней была желтая блузка, заправленная в куцую юбчонку. Ноги длинные, смуглые, слишком, на мой вкус, мускулистые. Чуть курносое личико с подвижными серыми глазами выглядело привлекательно, хотя в данный момент его портило выражение злого упрямства. Это создание остановилось у моего столика и, уперев руки в бока, воззрилось на меня. Я потягивал сок. Девица беззвучно тарасилась на меня, как овца на музыкальную шкатулку.

– Пожалуйста, сядь, – напомнил о себе ее парень.

– Ага, щас! – огрызнулась она и слегка заплетающимся языком обратилась ко мне, – Скучаешь, крутой?

На всякий случай я отодвинулся.

– Спасибо, не очень.

– За что спасибо?

– За внимание.

Обдумав мой ответ, она ткнула себя в ключицу.

– Марго.

– Допустим, – не стал возражать я. – Что дальше?

Она фыркнула.

– Сразу тебе и дальше! Шустрый больно! – Она покачивалась на каблуках, бесцеремонно меня изучая. – Может, стриптиз на столе тебе исполнить?

Бармен издал изумленное «ох», которое идеально вписалось в звучащую попсу. Спутник подгулявшей крали, наоборот, демонстративно отвернулся и хлебнул пива.

– Стоит ли начинать с раздевания? – усомнился я.

Девица пожала плечами.

– А как, вообще, теперь знакомятся?

Вопрос, поставленный подобным образом, заслуживал уважения.

– К примеру, – ответил я, – чтобы привлечь внимание, фокус можно показать. Этак ненавязчиво.

Девица мотнула головой.

– Не умею. Сам показывай.

– Кто вам сказал, Марго, что я умею?

– Зачем тогда трепался?

– Лишь для примера.

Девица рассердилась.

– С тобой, вообще, познакомиться можно? Или ты весь из себя секретный и загадочный?

Я кивнул на ее притихшего спутника.

– Знакомые, вроде, у вас уже имеются.

Она презрительно отмахнулась.

– Козлы, а не знакомые. – И плюхнулась на стул. – В общем, так: или показывай фокус, или я исполняю стриптиз и едем к тебе...

– Выбираю фокус, – выпалил я поспешно.

Бармен в досаде звякнул посудой. Здоровяк-студент за столиком, похоже, облегченно перевел дух.

– Ладно, – кивнула девица. – Но, если я твой фокус просеку, сделаем по-моему. Согласен, крутой?

Я вздохнул. Отвязаться от нее было непросто.

– Согласен. – Повращав рукой возле ее волос, я предложил: – Угадайте, что у меня в кулаке?

– Что за хрень? Откуда мне знать?

– Просто угадайте. Даю три попытки.

Она брякнула, очевидно, первое, пришедшее на ум:

– Миндаль в сахаре. Кончай эту бодягу.

Помедлив, я разжал кулак. У меня на ладони красовалась крупная засахаренная миндалина.

– Угадали, Марго. Кушайте на здоровье.

Сперва она обомлела. Затем взяла миндалину с опаской, как таракана, попробовала и осторожно съела. При этом серые ее глаза сверлили меня двумя буравчиками.

– Как ты это сделал?

– Чистая психология. Миндаль был у меня в кармане. Обычно все его выбирают.

– А если б я загадала другое?

Я развел руками.

– Тогда бы фокус не получился.

Марго фыркнула.

– Лихо! Я в тебе не ошиблась. – Она пересела со стула ко мне на колени. – Возьми шампанское и поехали.

– Без стриптиза? – уточнил я. – Народ будет разочарован.

Девица покосилась на своего окаменевшего спутника.

– Хрен с ним, гуляем.

Я отцепил ее руку от своей шеи.

– У меня контрпредложение. Я беру вам шампанское, и вы гуляете отдельно.

Она качнула головой.

– С тобой хочу.

И тут в дверях бара возникло, можно сказать, видение. Порог переступила девушка с пепельными волосами до плеч, в коротком зеленом платье, демонстрировавшем такую фигуру и такие ноги, которые, ей-богу, слова описать бессильны. Огромные изумрудные глаза вошедшей словно сами по себе излучали свет, а лицо ее, покрытое персиковым загаром, было столь красиво, что его обладательница просто обязана была оказаться полной идиоткой, чтобы компенсировать необычайную щедрость Природы.

Марго нервно заерзала на моих коленях.

Бармен вновь издал «ох», заглушив музыку.

Спутник Марго всем корпусом развернулся к двери, роняя нижнюю челюсть.

Меж тем виновница безмолвного этого переполоха, цокая каблучками, направилась к моему столику. Приблизившись, она взглянула на девицу и негромко произнесла:

– Слезай: это мое.

Марго будто ветром сдуло.

– Да ради Бога! – Соскочив с моих колен, она ринулась к своей сумке и буркнула здоровяку-студенту, – Пойдем. Хватит расслаживаться.

Тот с ухмылкой хлебнул из кружки.

– Я допью. Подожди на улице.

Девица на сей раз не спорила. Она стремительно вышла из бара. А отомщенный ухажер, прихлебывая пиво, зачарованно поглядывал в нашу сторону.

– Итак? – нахмурилась зеленоглазая красавица.

Я нахмурился еще больше.

– Как, черт побери, ты тут оказалась?

– Проходила мимо. – Она села ко мне на колени, отобрала соломинку и принялась потягивать сок из моего бокала. – Ты же знаешь: я обожаю проходить мимо.

Бармен и ухажер в отставке, раскрыв рты, наблюдали это шоу. Похоже, нынче я был гвоздем программы и продолжал хмурить брови.

– Почему ты не в Токио?

– Значит, так! – Жена поводила пальцем перед моим носом. – В Японию я теперь полечу в двух случаях: либо ты отправляешься со мной, либо я – с тобой. Больше никаких вариантов. То же самое – в любые другие страны, части света и планеты солнечной системы. Вопросы есть?

– Есть, – кивнул я. – Этой ночью, когда ты звонила из Токио, у тебя уже был обратный билет?

Она посмотрела на меня, как на недоумка.

– Разумеется. Погостила полтора часа и хватит. Что это за телка сидела на моем законном месте?

Хмуриться мне уже не удавалось.

– Дашка, погоди... Такэру хоть не обиделся?

Жена вздохнула.

– Поначалу, конечно, расстроился. Но в итоге я его умиротворила, убедив, что мое возвращение станет для тебя ба-альшим сюрпризом. Он засмеялся и сказал: «Сэнсей обалдеет».

Я хмыкнул.

– А сюда тебя навел Илюшка?

– Как говорится, догадался Штирлиц. Выкладывай, фраер, что за бабу себе завел? Не успеешь отлучиться...

За окном раздались вдруг выстрелы, затем – крики. Вздвогнув, Дашка прижалась ко мне. Ухажер Марго, прекратив наконец на нас пялиться, оставил пиво и выбежал в дверь.

Бармен вышел из-за стойки.

– Ничего себе! Средь бела дня!

– Не подходи к окну! – скомандовал я. – Оставайся на месте, Антон!

Паренек послушался и вернулся за стойку, бормоча:

– Средь бела дня. Куда менты смотрят?

Я пересадил жену с колен на стул.

– Пойду разведу обстановку.

Она миглом вскочила.

– И я!

Обернувшись, я показал ей кулак.

– Щас опять в Японию улетишь. Сиди, охраняй Антона.

Выходя, я услышал за спиной Дашкин голос:

– У вас есть оружие, Антон? Отстреливаться будем.

Что ж, за бармена я был теперь спокоен.

Глава 4

У входа в кафе «Амброзия» располагалась небольшая автомобильная стоянка, на которой сейчас толпилось такое количество зевак, словно был обещан рок-концерт под открытым небом. Глядя на плотное кольцо публики, можно было смело утверждать, что стрельба закончилась, опасность миновала, но осталась, вероятно, чья-то беда, которая и привлекла многочисленных олухов. Покрутившись поблизости, я услышал обрывок разговора двух подростков: «Из джипа хреначили, понял? На полном ходу, блин.» – «Ну и че?» – «Да ниче. Ментовку завалили, вот и все.» – «Откуда знаешь, что ментовку?» – «Ну ты, блин, тормоз! Че, не слышал?! Из МУРа она...» Я собрался было зайти в бар за Дашей и отправиться домой, однако поддался любопытству. Пришлось протолкаться сквозь кольцо зевак.

На асфальте в желтой своей блузке распростерлась Марго. Глаза ее были закрыты, юбочка задралась, демонстрируя трусики. Крови заметно не было. Стреляли, очевидно, в спину. Девушка была жива, но опытному взору с беспощадной определенностью открывалось, что протянет она от силы еще десять-пятнадцать минут. Над ней, точно телеграфный столб, возвышался парень со студенческой внешностью. С перекошенным лицом он кричал в сотовый телефон:

– Товарищ полковник, Светку... капитана Сычову подстрелили... Нет, на объекте, как планировали... Да, но... майор Калитин опрашивает свидетелей... – Парень панически огляделся. – «Скорую» вызвали, я же докладываю... Олег Андреевич, боюсь, не довезем...

Я попятился, тараня толпу задом, и у входа в бар перевел дух. Стало быть, Марго – вовсе не Марго, а Светлана Сычова, капитан... вероятно, МУРа. Как говорится, всякое бывает. Но, черт побери, чего она хотела от меня? Чем привлек я столь настырное внимание? Кто и почему подстрелил ее под окнами бара? От этих вопросов впору было свихнуться. Мало мне истории с цыганкой и двойником. Впрочем, ни для кого не секрет, что неприятности имеют свойство валиться кучей.

Возле барной стойки Дашка беседовала с Антоном.

– С клиентурой у вас, похоже, не густо? – Лицо моей жены выражало интерес.

– Когда как. Бывает, яблоку упасть негде, – доверительно тараторил бармен. – Но такие встречаются типы, что иной раз думаешь: взять бы автомат... – Увидев меня, он полюбопытствовал: – Ну что? Как там?

Я сообщил:

– Девушку подстрелили. Которая сидела за моим столиком.

– Это называется «за столиком»? – фыркнула Дашка и осеклась: – Боже, что я несу!

Помолчав для приличия, бармен произнес:

– Ужас какой. Насмерть?

– Жива пока, но шансов никаких. – Я потянул жену к выходу. – Не высовывайся, Антон. Милиция сама тебя разыщет.

– Думаете? – забеспокоился паренек.

– Обычная рутина, будут расспрашивать, не видал ли, не слышал чего подозрительного – смело говори правду.

– Так и буду, – пообещал вдогонку бармен.

Мы с Дашей вышли на улицу. Толпа слегка рассосалась, но сохраняла еще плотность.

Из-за поредевших спин видна была Марго, то есть капитан Сычова, лежавшая в прежней позе. Рядом топтался молодой ее сослуживец, принятый мной за ухажера. «Скорая помощь», как водится, застряла где-то в пути. Дашка сжала мою руку.

– Пойдем.

Мы двинулись вдоль поредевшего оцепления зевак. Одна пожилая женщина просвещала другую, пришедшую, очевидно, к шапочному разбору:

– Из машины стреляли. Она почти увернулась. Проворная такая, знаете.

– Батюшки, молоденькая-то какая!

– Именно. Могла бы спастись, но тут девчушка годков пяти с мячом выскочила – прямо под пули.

– Батюшки! Убили?!

– Кого?

– Девчушку с мячом, кого же еще!

– Да нет, девчушку она как раз оттолкнуть успела. Ее папаша сразу увел. – Рассказчица кивнула на пострадавшую. – А сама, вишь, схлопотала по полной программе.

Я застыл столбом. Дашка пристально на меня посмотрела.

– Допустим, – пробормотала она. – Но ведь народ вокруг.

– Пошел он в задницу, – процедил я сквозь зубы.

Ее зеленые глазищи жгли меня насквозь.

– Как мы все объясним?

– Плевать. – Я направился к лежавшей на асфальте девушке.

Дашка устремила за мной.

– Что мне делать?

– Что угодно. Лишь бы меня не трогали две-три минуты. – Я пробился к Светлане Сычовой, почти труп, и присел перед ней на корточки.

Карауливший ее сотрудник с внешностью студента прорычал:

– Эй, вали отсюда!

Он готов был спикировать на меня, как ястреб на цыпленка. Но перед ним возникла Дашка. Вероятно, с самой неотразимой из своих улыбок.

– Спокойно, молодой человек. Он учился на врача.

– Чихать, на кого он учился! Едет «скорая»! Тут ничего нельзя трогать!

– Он только проверит пульс. А «скорая» когда еще приедет.

Больше я не слышал ничего и не видел, но был уверен: необходимую капельку времени Дашка мне обеспечит.

Я сжал запястье Светланы. Пульс едва прощупывался, но жизнь еще теплилась где-то в глубине ее умирающего тела. Прикрыв глаза, я сконцентрировался. Сильный энергетический импульс мог добить ее окончательно, а слабый... на слабый она уже не отзывалась. С чрезвычайной осторожностью варьировал я поток энергетических волн, способных устранить разрушения в организме девушки на клеточном уровне. Очень трудно было настроиться на ее затухающий биоритм. Наконец, мне это удалось, и все же она ускользала. «Давай, милая, борись, – упрасивал я мысленно. – Ты спасла девчушку, и она возвращает тебе долг. Я полномочный ее представитель. Иди сюда, Сычова! На разборку иди. Клеиться ко мне вздумала, идиотка, по своим ментовским делам. Должен заметить, шлюха из тебя никудышная: не впечатляешь. Но мир без тебя опустеет, Светка Сычова. Долбанный этот мир даже не знает, как ты ему нужна. Зато я знаю и охотно тебя отшлепаю за бездарный твой спектакль. Слышишь, капитан Сычова? Ты меня слышишь?!»

Сперва я ощутил ледяное покалывание в пальцах, затем холод пополз вдоль моих рук от локтя к плечу. Девушка тихо вздохнула, щеки ее порозовели. Так-то лучше. Теперь дело пойдет быстрее. Твой организм, Светка Сычова, сию минуту сам себя починит. Как новенькая будешь, слово Мангуста. Не веришь? Зря. Даже пули рассосались, переработались в шлаки. В туалет сходишь – только и всего. И напоследок, радость моя, лично от меня подарок. Я починил твою убойную желтую блузку: ни единой дырочки на спине. Носи на здоровье, смущай преступников.

Господи, до чего холодно. Пытаясь унять дрожь, я открыл глаза. И тотчас услышал голос соратника моей подопечной:

– Он что, заснул над ней?!

– Вряд ли ей это повредит, – отозвался голос моей жены.

Поднявшись с корточек, я качнулся. Дашка подхватила меня, подставив плечо.

– Как ты? – прошептала она.

Вроде я улыбнулся и пообещал:

– Пятнадцать секунд – и буду как огурчик.

Соратник капитана Сычовой приблизился с похоронной миной.

– Она-то как? Жива еще?

Я кивнул.

– Вполне. У вашей подруги просто обморок.

Он вылутился на меня с высоты своего роста.

– Что ты мелешь, придурок?! В нее столько свинца всадили, что... – Он перевел негодующий взор на Дашу. – Он у вас что, по жизни сдвинут?

– Совсем чуть-чуть. – Жена поглаживала меня по спине. – Особенно когда на солнышке перегреется.

Здоровяк опешил, не зная, как реагировать. А по кольцу зевак пронесся ропот возмущения. Сморщенный дедок высказался за всех:

– Оно и видно, перегрелся: вон как его шатает. Пить меньше надо.

– Совершенно в вами согласна, – заявила Дашка, выводя меня из круга, и тихо поинтересовалась: – Ну как, порядок?

– Да, – ответил я. – Только есть очень хочется.

В этот момент произошло сразу два события: послышалась, наконец, сирена «скорой помощи» и капитан Сычова, словно пробудившись, приняла сидячее положение.

– Что со мной было, Серега? – Она смущенно одернула юбку. – Меня подстрелили, вроде...

Публика издала дружное «ах!». Здоровяк Серега, к которому обратилась восставшая покойница, произнес нечто невнятное. Наблюдая за этой сценой с некоторого расстояния, Дашка произнесла:

– Кино. Премия «Оскар».

– Пойдем, – потянул я ее за руку.

Она уперлась.

– Дай досмотреть.

Подъехала «скорая помощь» и, скрипнув тормозами, остановилась. Выскочили трое в белых халатах. Целехонькая капитан Сычова скомандовала:

– Влезайте обратно и чешите отсюда! Ложный вызов!

Один из бригады устало возмутился:

– Вы что, дамочка, в игрушки с нами играете? У нас, вообще-то, работы навалом.

– Вот и давай, не филонь! – осадила его Светлана. – Здесь все в ажуре! По коням, лекари! «Лекари» пошептались, сели в машину и уехали.

Здоровяк Серега пробормотал:

– Ну ты, Сычиха, даешь!

Светлана пригвоздила его взглядом.

– Телок! Ты упустил его, признавайся?!

Я решительно потянул жену за руку.

– Дашка, линяем.

Идя за мной, жена полюбопытствовала:

– Кто она, вообще, такая?

Тут я сообразил, что Дарье еще не известна профессия девицы, которую она застала у меня на коленях и которую мы только что вытащили из небытия.

– Давняя моя любовь, – схохмил я по-дурацки.

Дашка фыркнула.

– Хочешь, чтоб я ее удочерила?

Я сжал ее ладонь.

– Ловлю на слове.

Мы направились к дому дальним путем, через сквер (будь он неладен), и за нашими спинами слышался голос капитана Сычовой:

– А вы что здесь толчетесь? Кто-то из вас запомнил лица бандитов?! Или, может, кто-то стрелял сам?!

Если народ у бара мигом не рассосался, значит, я ничего не понимаю в этой жизни. Дашка прыснула.

– Ей бы в милиции служить.

Я оставил ее реплику без комментариев, только предложил:

– Не избрать ли и тебе какую-нибудь опасную профессию?

– Например, какую?

– Ну, скажем, учительницы английского в нашей школе.

В зеленых Дашкиных глазах вспыхнули искорки.

– Зинаида Павловна протрепалась? Просила же ее: давайте сделаем сюрприз!

Солнце опускалось уже за крыши девятиэтажек. Мы шли, держась за руки, и настроение у меня было превосходное. Невзирая на то, что метрах в пятидесяти за нами, точно привязанный, следовал грязновато-красный «москвич».

– И как же ты собиралась свой сюрприз воплотить? – полюбопытствовал я.

– Ха! – ответила Дашка. – Вот представь: утром первого сентября кормлю я тебя завтраком и провожаю до двери. И вот, значит, являешься ты к себе в школу, а там... Только представь свою физиономию! Я встречаю тебя в учительской и говорю: «Глеб Михайлович, неужели даже в этот торжественный день необходимо было приходить в джинсах?»

Я рассмеялся.

– Боже правый!

Мы приближались к скверу. «Москвич» не отставал. За рулем его, едва помещаясь, сутулился здоровяк Серега. С ним рядом сидела, конечно же, капитан Сычова. Третьего члена их команды, солидно-полноватого, слинявшего из бара первым, в машине видно не было. Впрочем, и этих двух милицейских асов мне было более чем достаточно. Чертовски любопытно, чем скромная моя особа привлекла этих матерых оперативников?

– А теперь, – вздохнула Дашка, – весь сюрприз псу под хвост.

– Он мог бы состояться, – заметил я сурово, – если бы ты не уверила директрису, что я займусь покраской второго этажа.

– Был грех, – жена улыбнулась бесстыдно и нераскаянно.

– Поэтому, – разъяснил я, – Зинаида поспешно позвонила, чтобы уточнить сроки. Какие уж тут сюрпризы?

– Обломчик, – признала Дашка без всякого огорчения.

В сквере меж тем все выглядело чинно и благородно. Цыганок не наблюдалось: ни живых, ни, тем более, мертвых. Утомленный народ, расслабляясь в конце рабочего дня, восседал на лавочках и фланировал вдоль газонов. Слабая надежда разузнать хоть что-то о хмыре в полотняном костюме и об агрессивном своем двойнике улетучилась как дым.

Мы с Дарьей шли по скверу, а «москвич» капитана Сычовой двигался за нами по шоссе. Не знаю, за кого они меня принимают, но за такую бездарную слежку их надо перевести в уличные регулировщики. Если только они не решили целенаправленно действовать мне на

нервы. Коли так, ребята, вы здорово просчитались. Пасите меня сколько угодно, ведь перед вами такой лох, который ничего кругом не замечает.

– А насчет покраски... – Дашка потерлась щекой о мое плечо. – Зинаида выглядела такой измотанной, что мне просто захотелось ей как-то помочь. Я подумала: ты мог бы прийти в школу, по-тихому щелкнуть пальцами... Ясен ход моих мыслей?

Я вздохнул.

– Уймись, Дашка. Я уж и так черт знает что вытворяю.

Она заглянула мне в глаза.

– Ну прости, сморозила. Что теперь делать?

Мы вошли во двор нашего дома, и грязновато-красный «москвич» въехал вслед за нами. Здоровяк Серега, очевидно, выполняя команду капитана Сычовой, остановил машину рядом с пустующим желтым такси. Сидящие на лавочке четыре бабульки, будто не слыша нашего с Дашкой приветствия, хмуро проводили нас взглядами.

Входя в подъезд, я подумал, что зря упрекнул Дашку за инициативу с покраской школы. Тут легко можно было сотворить все так, что комар носа не подточит. А вот за то, что я проделал с подстреленной девушкой на глазах общества, Стив Пирс, мой учитель, наверняка выполрол бы меня розгой. Во второй раз. И опять оказался бы прав.

Глава 5

В прихожей стоял чемодан и дорожная сумка с бирками «Аэрофлота». Дашка отодвинула их ногой.

– Даже распаковаться не успела. Кинулась освобождать твои колени от оккупации.

– У тебя получилось. – Я огляделся. – А где же у нас Гольдберг?

На кухне Ильи не оказалось, но по столу были раскиданы его бумаги. В комнате тоже его не было. Я остановился напротив моего автопортрета – взглянул на него, так сказать, свежим взором. Сходство было несомненным, но рожа... Ей-богу, он более напоминал моего утреннего двойника.

– Где ж ему быть? – проговорила за моей спиной Даша, имея в виду Илью. – Наверняка он в шкафу. А портретик у тебя – прелесть: мускулатура играет, в лице ни мыслишки...

– Дашка! – вскипел я. – Почему ты не в Японии?!

Она обвила руками мою шею.

– Спокуха, Модильяни. Это отвлекающий маневр.

– В чем его смысл? – Я сделал попытку освободиться.

Она прижалась ко мне бедрами.

– Пока ты испытываешь творческие муки, я тебя изнасилую. Жестоко и безжалостно.

– Не прореагирую, – заверил я.

Дашка посмотрела мне в глаза.

– Обидеть норовишь?

Мы оба прыснули.

– Не в смысле обиды, – сказал я. – Просто ослаб.

– Ха-ха!

– Ей-богу. Вообрази, что ты оживила труп девицы, затратив уйму сил. И в это время я полез к тебе с бурной страстью.

Зеленые Дашкины глазищи искрились.

– Будь уверен: даже если б я сама была трупом девицы, я бы ответила на твою страсть.

Мы рассмеялись, и я напомнил:

– Сейчас Илюшка вернется.

– Его проблемы, – заявила Дарья.

В сей момент послышалось громоуханье вперемешку с чертыханьем, дверцы шкафа распахнулись, и в комнату ввалился Илья, мокрый с ног до головы. Мы с Дашкой едва успели отскочить друг от друга.

– Представляете, там дождь! – посетовал Илья, стряхивая капли с бороды. – Только искупаться собрался – и полило! Еврейское счастье называется!

– Это ж надо! – посочувствовал я.

– Кошмар! – добавила Дашка.

Илья окинул нас взглядом.

– Поссорились, что ли?

Мы с Дарьей хохотнули. Она сказала:

– Обсуждали перспективы современной живописи.

Илья хохотнул за компанию.

– Дообсуждаетесь!

Я заглянул в шкаф, в котором не было задней стенки. Между вешалок с Дашкиной одеждой проглядывал цветущий луг далекой неведомой планеты. Мы успели так привыкнуть к этому пейзажу, что уже воспринимали его как часть нашей однокомнатной квартиры. Там действительно шел дождь. Я закрыл дверцу шкафа.

– Ладно, – вздохнула жена, – пора перекусить.

Илья покачал головой.

– Я пас. Недавно пошуровал у вас в холодильнике, так что... Мне бы только обсохнуть, не то простыну.

Дашка потрогала его рубаху.

– Гольдберг, без паники. Ты сухой, как младенец в подгузниках фирмы «Хаггис». – Она отправилась на кухню. – Сварганить, что ли, яичницу с ветчиной?

– И побольше! – откликнулся я.

Илья меж тем удивленно себя ощупывал.

– Только что был мокрым до нитки... – Он погрозил мне пальцем. – Мангустовские штучки!

Я поклонился.

– Не могу позволить, чтобы ты затопил мою квартиру.

– Резонно, – согласился Илья. – Не хочешь поработать в прачечной вместо сушилки?

– Подумаю. – Я подошел к окну. Здесь. В Москве, дождя не было. В стеклах дома напротив отражалось заходящее солнце. А во дворе, между красным «москвичом» и желтым такси, топтался здоровяк Серега с капитаном Сычовой. Рахмахивая увесистой сумкой, Светлана темпераментно что-то вдалбливала своему партнеру. Тот вяло ей возражал. – Прямо напасть какая-то! – вырвалось у меня.

– В смысле? – уточнил за моей спиной Илья.

Тут с кухни донесся Дашкин голос:

– Гольдберг, освободи стол от своих закорючек! Присесть, блин, негде!

Илья метнулся на кухню.

– Ешь стоя! Молодая еще!

Воцарилась как бы тишина. Жена позвякивала посудой, Илья, видимо, складывал свои листы в папку. А во дворе капитан Сычова с малахольным Серегой обшаривали глазами окна нашего дома. Так и тянуло крикнуть им «ку-ку». К счастью, Дашка позвала обедать.

Мы сели за кухонный стол. Голод я чувствовал зверский, поэтому с хорошей скоростью молотил все подряд. Даша ела с аппетитом, но умеренно и благородно. А сытый Илья клевал, как птичка, просто за компанию. Ну и, разумеется, ему хотелось почесать язык.

– Кстати, Дуська, как ты нашла своего благоверного в кафе «Амброзия»?

– С бабой на коленях, – отрапортовала Дашка. – При всем честном народе. Срывал, так сказать, аплодисменты.

Прыснув, я чуть не подавился ветчиной. Илья похлопал меня по спине.

– Следовало ожидать, – изрек он с трагической миной. – Я говорил ему: «Веди себя прилично. Жена уехала на три недели...»

– Вот и соврал, – ввернул я, хлебнув минералки.

Илья сурово на меня взглянул.

– Не перебивай: опять подавишься. «Веди себя прилично, – говорил я. – Сиди себе, рисуй мускулистых придурков... то есть, пардон, свой автопортрет...»

Я хлопнул по столу и пригрозил:

Превращу-ка я Илюшку
в бородатую лягушку.

– О-о! – распахнула глаза Дашка. – Будем осваивать поэзию?

Илья хмыкнул.

– Предупредите заранее. Чтоб я успел эмигрировать в Магадан.

Дашка улыбнулась.

– Зачем такие крайности, Гольдберг? Мы будем писать стихи и тут же рвать, писать и рвать. Правда, милый?

Я ответил:

Запущу-ка я в Илюшку
его школьную подружку.

Все же их проняло – они рассмеялись. А я подошел к окну, чтобы выяснить обстановку. Капитан Сычова с верным своим Серегой подвалили, наконец, к сидящим у подъезда бабулям и затеяли с ними интеллигентный милицейский разговор. Надо заметить, бабули проявили явную заинтересованность вопросами правопорядка. А Илья за моей спиной провозгласил:

– Нравится мне его стиль. Будь здорова, Лосева-Грин. Выпьем за то, чтобы на его коленях сидели только друзья и выдающиеся политические деятели.

Они чокнулись, затем Илья подытожил:

Хорошо в гостях у Дашки
минералку пить из чашки.

– Надо же! – съехидничала моя жена. – Какие тут все способные!

Я присел на подоконник.

– Кстати, о коленях. Хотите подробности?

– Давно бы так, – кивнула Дарья. – Облегчи душу.

Илья поглаживал бороду.

– Старик, у меня жена и ребенок. Если в твоих откровениях есть что-то непристойное...

Я перебил без улыбки:

– История прелюбопытнейшая. Излагаю конспективно.

Илья изобразил беспокойство.

– Привязать себя к стулу?

Но Дашка сделалась серьезной.

– Итак, – сказал я, – начнем с сегодняшнего утра. – Звонит мне Вася Медведев и просит назначить встречу...

– Что еще за Вася? – уточнил Илья.

– Брат моего ученика. Нормальный московский бандит, подверженный светлым порывам. Васю, кстати, вы оба знаете. Он вызволял Дашку на фазенде Митьки Грачева.

Илья мигом вспомнил:

– А-а, симпатия с дубиной и золотыми зубами.

– Зубы у него теперь белые, – поправил я. – Хоть на рекламу жвачки.

– Жаль, – вздохнул Илья. – Золото ему было к лицу.

Дашка хлопнула его по руке.

– Уймись, Гольдберг. Этот Вася, можно сказать, вскружил мне голову.

Илья кивнул.

– У тебя тонкий вкус.

За окном капитан Сычова с партнером терпеливо и настойчиво допрашивали четырех бабуль, перебирающих, вероятно, в памяти жильцов подъезда, чтобы определить номер моей квартиры.

– Будете слушать или нет?! – разозлился я. – Все время поперек лезете!

Дашка уселась как примерная школьница.

– Гольдберг, я тебя прибую.

– Начинается. Чуть что – сразу Гольдберг.

Выдержав драматическую паузу, я продолжил:

– Вася меня уведомил, что какой-то пацан просит срочно познакомить его с Французом. Дескать, у пацана этого очень важная для меня информация. Ладно, говорю. Назначили встречу в баре, куда я и направился. По дороге ко мне прилипли две цыганки. Одна из них, старуха, глядя на мою ладонь, рухнула мне в ноги и указала на стоящего невдалеке типа: «Убей его! Он несет большие беды!» Как вы понимаете, меня это заинтриговало, и я решил прояснить обстановку. Но этот господин весьма солидной комплекции чесанул от меня во все лопатки, старательно пряча лицо. От растерянности я рванул за ним. Однако путь мне преградил парень, похожий на меня, как близнец.

– Что-о?! – уставилась на меня Дарья.

– То самое: полный двойник. Вплоть до рубахи и шнурков на кроссовках. Он вступил со мной в драку...

– Ни фиг себе! – вырвалось у Ильи.

Я усмехнулся.

– Ну как, интересно? Дальше будет не скучнее. Подравшись со мной, двойник ударился в бегство. И я, опять же от растерянности, упустил его вместе с загадочным типом, которого мне велено было убить. Тогда я вернулся к цыганке в надежде хоть что-то выяснить. Но старуху буквально у меня на глазах переехал автобус.

– О Господи! – прошептала Дашка.

Илья больше не ерничал, мозги его включились в работу.

– Думаешь, не случайность?

Я пожал плечами.

– Предположения строить рано. Тем более, что непонятки продолжались. – Я глянул в окно. Бабульки с лавочки исчезли. А капитан Сычова темпераментно дискутировала со своим Серегой, стоя между красным «москвичом» и желтым такси. – Теперь, – сказал я, – перенесемся в бар, где мне назначили встречу. За одним столиком там сидела девица с двумя кавалерами, за другим – трое гарных хлопцев. Сидели спокойно, никто ни к кому не вязался. Стоило, однако, мне появиться, предводителю хлопцев будто шлея под хвост попала. Шустро ко мне подрулив, он стал затевать ссору.

– Заранее тебя ждали, – высказал догадку Илья.

Дашка усомнилась:

– Не факт. Ситуация, в общем, житейская.

– Не совсем, – возразил я. – Складывалось впечатление, что он не столько лез в драку, сколько изучал мои реакции. А когда пришел Вася, атаман-задира поерепенился для вида и, пользуясь предложением, смотался со своими хлопцами. И что любопытно, Вася пришел с извинениями: пацан, собиравшийся что-то мне сообщить, в последний момент от встречи уклонился. Такой вот пустячок.

Илья приподнялся на стуле.

– Старик, кто-то очень хотел зафиксировать тебя в данное время в данном месте.

– На все сто! – согласилась Дарья.

Я посмотрел в окно. Здоровяк Серега влез в «москвич» и сердито захлопнул дверцу. А капитан Сычова, помахивая увесистой сумкой, столь же сердито направилась к нашему подъезду.

– Теперь о девице на коленях, – поспешил я закруглиться. – Стоило Васе произнести «Привет, Француз!» – как она сделала стойку и малость погода повисла у меня на шее. Однако интерес ее ко мне был чисто профессиональным. Даш, ты попала в точку: она – мент.

– Неслабо! – воскликнул Илья.

А Дарья изумилась:

– Но какого лешего ты ей...

– Нет времени, – перебил я и распорядился: – Минут через пять, Даш, возьмишь «жигуль», отвезешь Илью домой и сразу назад. И никаких вопросов, ладно?

– А потом вопросы можно? – уточнила жена.

– Потом все можно. – Я двинулся в прихожую. – А сейчас прошу сюда.

Они переглянулись и, только успели выйти с кухни, как раздался звонок в дверь. Открыв, я объявил:

– Капитан МУРа Сычова, прошу любить и жаловать.

Экспромт удался, Станиславский бы одобрил.

С приоткрытым ртом Светлана замерла по ту сторону двери. Дашка с Ильей, как манекены, застыли в прихожей. Жаль, блестящей своей режиссурой мне пришлось насладиться в одиночку. К тому же, капитан Сычова, надо отдать ей должное, нашла в себе отвагу разрушить столь эффектную мизансцену.

– Соскучился, Француз? – проговорила она, переступая порог. И, споткнувшись о Дашкин чемодан, чертыхнулась. – У вас кто-то куда-то уезжает?

Дашка тоже пришла в себя.

– На чемодане бирочка, – ответила она вежливо. – Это значит, кто-то откуда-то приехал. В полицейской академии этому не учат?

Илья хмыкнул.

У капитана Сычовой порозовели щеки.

– Убрали бы хоть с дороги, – буркнула она.

– Всенепременнейше, – пообещала Дарья.

Я поспешил вмешаться.

– Оставим мелочи. Марго, вы пришли исполнить стриптиз?

Щеки Светланы стали пунцовыми.

– Ладно, ты меня расколол. Но дерьмо из тебя я так и так выбью.

Илья вновь хмыкнул. Дашка собралась взорваться, но я остановил ее жестом.

– Бог в помощь, Светлана... Простите, как по-отчеству?

– Анатоьевна.

– Светлана Анатоьевна, что вам от меня надо?

Она слегка замялась.

– Во-первых, хочу понять... Что со мной было возле бара? Ведь меня подстрелили, я чувствовала, как... а потом... Что ты со мной проделал?

Я покачал головой.

– Ничего. Они промахнулись, а вы упали в обморок.

Илья бросил вопрошающий взгляд на Дашу, и она в знак подтверждения прикрыла веки. До чего же эти школьные товарищи хорошо друг друга понимали!

– Что ты мне лепишь?! – вскипела капитан Сычова. – Какой на хрен обморок?!

Дашка не сдержалась:

– Может, у вас эпилепсия? Не проверялись?

Капитан обратила на нее суровый взор.

– Думаешь, ты очень умная?

– Лишь в сравнении с тобой, – отрезала Дашка.

Светлана перевела взгляд на меня.

– Скажи ей, чтоб заткнулась.

Тут я готов был согласиться. Дашке с Ильей пора было сматываться, как я просил. Но куда там! Как могли они пропустить такое шоу!

– У вас был обморок, Светлана Анатоьевна, – стоял я на своем. – Переходите к следующему пункту.

– В смысле? ...К какому пункту?

– Вы сказали: «Во-первых, хочу понять». Мы, как могли, удовлетворили ваше любопытство. Не угодно ли изложить, что там у вас «во-вторых»?

Капитан Сычова поморщилась. Избранный мною стиль заметно ее раздражал.

– Во-вторых, у меня предложение. – Она пошарила рукой в сумке и, как бы случайно достав пистолет, посмотрела на него с удивлением. – Что за хрень под руку попадается?

Илья в который раз хмыкнул.

Дарья сверкнула на него глазами.

– Выпей водички, Гольдберг! У Дашки из чашки! – Затем обернулась ко мне. – Слушай, она же... – Дарья покрутила пальцем у виска. – Может, милицию вызвать? Пусть ее в психушку закатают.

Я хорошо видел, что наша гостья скоморошничает, затеявая какую-то нелепую интригу.

– Как добраться до телефона? – подыграл я жене. – Она пальнет чего доброго.

С точки зрения реализма получилось у меня так себе. Однако Светлана Сычова явно осталась довольна своей интермедией и перешла к следующей фазе.

– Да ладно, – изобразила она смущение, – я просто не то вытащила. – Опустив пистолет в сумку, она извлекла колоду карт. – Давайте в дурачка!

Ей-богу, мне нравилась эта кретинка.

– Зачем? – спросил я.

– Кто выиграет – будет задавать вопросы. Кто проиграет – будет на них отвечать. – Ее серые глаза впились в мое лицо. – У тебя ведь тоже есть ко мне вопросы, Француз? Не так ли?

Я кивнул.

– Так. Но, по-моему, вы избрали весьма извилистый путь.

– Тише едешь – дальше будешь, – парировала она.

– Вряд ли тихая езда в вашем вкусе, Марго.

– Что делать? Приноравливаюсь к обстоятельствам.

Возникла пауза, после которой Дашка пихнула Илью в бок.

– Сотри с лица дурацкую улыбочку.

– Отстань, – огрызнулся Илья. – Вон у Француза рот вообще...

Договаривать ему было необязательно.

– В дурака играть не будем, – отрезал я и покосился на жену. – Ты, вроде, собиралась отвезти Илью домой.

– Сейчас отвезу. – Дарья не двинулась с места.

Капитан Сычова меж тем тасовала карты.

– Не желаете в дурачка – не надо. Тогда фокус покажу. Ты, Француз, мне показывал, теперь мой черед. Расколешь секрет фокуса, я тихо отчаливаю. Не расколешь – потолкуем. Лады?

Боже правый, что за дурында!

– Мадам, – сказал я, – нельзя ли потолковать без фокусов? Дашка, отвези Илью домой!

Жена потерлась подбородком о мое плечо.

– Посмотрим фокус и поедем.

– Хотим фокус! Хотим фокус! – скандировал Илья.

Черт возьми, эти друзья детства меня достали! А капитан Сычова впервые улыбнулась, и улыбка очень ее украсила. Тасуя колоду, она ощущала себя, очевидно, на вершине артистической карьеры. Ладушки, решил я, ты у меня пофокусничаешь.

Я вздохнул.

– Что же, если публика настаивает...

Светлана протянула мне колоду.

– Сними, – предложила она, шулерски подсунув ноготок в определенное место. Специалистка. Я снял. – Теперь возьми верхнюю карту, но мне не показывай. – Я выполнил и это. – Так, – объявила она торжественно, – у тебя в руке бубновый туз. Правильно?

Я покачал головой.

– Шестерка треф.

Она удивленно выхватила у меня карту.

– Странно...попробуем еще разок...

– Попробуем, – согласился я. – Почему бы не попробовать?

Проделав те же процедуры, она объявила:

– Дама червей.

– Нет, – я вернул ей карту, – опять шестерка треф.

Илья с Дашкой бросали на меня взгляды заговорщиков, едва сдерживая смех. А капитан Сычова, пунцовая от конфуза, принялась тасовать колоду в третий раз.

– Валет пик, – произнесла она, волнуясь.

Я вздохнул.

– Увы, шестерка треф.

Горе-фокусница в растерянности принялась лихорадочно перебирать колоду, и глаза у нее, что называется, полезли на лоб.

– Что за хрень? – воскликнула она.

Дашка с Ильей с любопытством к ней подошли, заглянули – и прыснули. Еще бы! Колода капитана Сычовой состояла из одних шестерок треф. Светлана сунула мне ее в руки.

– На, глянь!

Я изобразил недоумение:

– Надо же. Типографский брак небось.

– Какой на хрен брак?! Ты подменил колоду!

– Разве у меня была такая возможность, Светлана Анатольевна?

Дашка чмокнула меня в щеку и, вертя на пальце ключи от «жигулей», направилась к двери.

– Пойдем, Гольдберг. Фокус не удался.

Проходя мимо капитана Сычовой, Илья сказал:

– Как ни смешно, вы мне нравитесь.

– А вы мне – нет! – отрезала Светлана.

– Могу вас понять. – Помахивая папочкой, Илья вышел вслед за Дашкой.

Капитан Сычова ногой захлопнула дверь.

– Когда ты подменил колоду? – осведомилась она, словно это было самое важное.

Я протянул ей карты.

– Держите, порядок восстановлен.

Развернув карты веером, она пристально их изучила. Колода оказалась в норме: четыре масти были представлены полностью, и шестерка треф занимала лишь свое скромное место. Капитан Сычова бросила на меня взгляд, в котором соединились обвинение, приговор и немедленное его исполнение.

– Как ты это провернул?

Я раздраженно отмахнулся.

– Давайте к делу.

Она положила карты в сумку.

– Ладно. Что со мной было возле бара?

Я вздохнул.

– Светлана Анатольевна, когда в вас стреляли, я находился в помещении. А когда вышел, вы лежали на земле. Я проверил у вас пульс, вот и все. Вы были в обмороке, другой версии у меня нет. Очевидно, стрелявшие промахнулись.

Губы ее искривились в усмешке.

– Хотела бы и я в них так же промахнуться. Ладно, Француз, другой версии у меня тоже пока нет, так что... Не ответишь ли на пару вопросов? Так сказать, не для протокола.

– Охотно, – кивнул я. – Надеюсь, и вы кое-что мне разъясните. – Я сделал приглашающий жест. – Давайте все же покинем прихожую.

Мы прошли на кухню. На столе пребывали остатки нашего обеда. Капитан Сычова окинула все цепким взором, будто сфотографировала. Однако при взгляде на ломти ветчины не удержалась и рефлекторно слотнула слюну.

– В комнату, значит, ментов не пускаешь? – Она села на табурет.

Я развел руками.

– Прошу прощения. Там незаконченный мой рисунок, который хотелось бы спрятать. – Нарезав на чистую тарелку хлеб, я положил на него ветчину и посыпал свежей петрушкой. – Так что в комнату не приглашаю не от недостатка воспитания.

Взгляд ее сделался подозрительным.

– Почему твой рисунок нужно прятать?

– Критика надоела. – Я придвинул к ней тарелку с бутербродами. – Ешьте и запивайте минералкой.

Она попыталась рассердиться.

– Пошел ты, знаешь...

– Пока не поедите, – повысил я голос, – на вопросы отвечать не буду!

Поморгав, она сдалась:

– Только не думай, что ты меня этим купил.

Я хлопнул себя по бедру.

– Черт, а я так надеялся!

Капитан Сычова, улыбнувшись, принялась за бутерброды. Я посмотрел в окно. Солнце уже не отражалось в стеклах, но его присутствие ощущалось еще в позолоченном небе и в густом июльском воздухе. Здоровяк Серега курил, опираясь задом о капот «москвича», и стряхивал пепел под колеса желтого такси.

– Где ты был в субботу с шести до девяти вечера? – поинтересовалась капитан Сычова, дожевывая бутерброд.

Я отвернулся от окна.

– Так речь идет об алиби? Светлана Анатольевна, я простой учитель французского, в школе работаю...

– Номер школы, адрес! – потребовала она. И, когда я назвал, рубанула: – Проверим, что ты за учитель.

– Проверяйте. Но что во мне интересного?

– Много чего. К примеру, что это за учитель, который в криминальной среде известен под кликухой Француз...

– С криминалом я никаким боком.

– ...и которого все московские группировки за версту обходят? Что бы это значило, по-твоему?

Я пожал плечами.

– Мало ли. Может, французский язык их разочаровал. Ведь научно-техническая литература теперь, в основном, на английском.

– Угу, давай, ломай комедию. – Хлебнув воды из бутылки, она отодвинула опустевшую тарелку и, похоже, ощутила прилив сил. – Повторяю вопрос: где ты был в субботу с шести до девяти вечера?

– Дома. Занимался живописью.

– Кто подтвердит?

– Жена.

– Плохо. Такое алиби псу под хвост.

– Иного, простите, не заготовил. – Я сложил грязную посуду в раковину. – Может, скажете, что я натворил?

Капитан Сычова сидела на табурете, смотрела мне в лицо, и в серых глазах ее мелькнула нерешительность. Наконец, после явной внутренней борьбы, она проговорила:

– Ювелирные магазины, филиалы «Сбербанка», пункты обмена валют – девять ограблений за два месяца. После каждого ограбления трупы, всего набралось пятнадцать. Убивают без оружия, каким-нибудь приемом каратэ: перелом шейных позвонков, удар в переносицу, рассечение пальцами тканей живота с вырыванием печени... Число налетчиков варьирует от трех до шести. На лицах колпаки из газет с прорезями для глаз. После налета на груди одного из убитых непременно лежит открытка с изображением букета роз. На обратной стороне открытки одна лишь фраза: «Я вас люблю». И подпись: «Француз».

Она умолкла, пристально глядя мне в глаза и держа руку в сумке.

Меня словно по голове шарахнули, и мысли мои заскакали, как очумелые кони. Но лишь одна мысль, опередив все остальные, обрела словесное выражение:

– То есть ты, кретинка чертова, подозревая, что я... Господи! Ты приперлась ко мне в логово, чтобы... Чтобы что?! К совести моей воззвать?! Уговорить на явку с повинной?!.. Да не держись ты за свое табельное оружие! Был бы я тем Французом, где б тебя искать?!

«Кретинку» она скушала не сморгнув, руку от пистолета убрала и сказала:

– Если ты тот Француз, я зарюю тебя, как собаку. У меня черный пояс каратэ, и мне все по барабану. Такая тварь по земле гулять не должна.

Хотелось надавать ей оплеух. Не за подозрения на мой счет, разумеется, а за тупую самоуверенность.

– Светик мой, – сказал я, – несмотря на пояс по каратэ, сегодня вас чуть не угрохали.

Ее серые глаза блеснули сталью.

– Не твоя ли оплошность, Француз?

– То есть? – опешил я. – Вроде, я в баре сидел.

Она скривила губы.

– Вот уж алиби так алиби. Сидишь себе в баре, а дружки твои... Ведь у тебя есть дружки, Француз?

Поставив ногу на табурет, я наклонился в сторону этой изумительной девицы.

– Слушай сюда, Сычиха. Потолкуем по душам.

– Давно бы так, – осклабилась она. – А то ужимки – прямо лорд английский.

Я хлопнул перед ней в ладоши.

– Сычиха, шевели мозгами, если они у тебя не атрофировались! У нас возникли три сюжетных линии. Первая – моя. Кстати, что я натворил конкретно в субботу, с шести до девяти?

После заминки она ответила:

– Супермаркет в Балашихе. Четыре трупы: охранник и покупатели. На груди у охранника та же открытка с надписью: «Я вас люблю. Француз».

Я помолчал, чтобы выровнять дыхание. Черт бы побрал этот мир.

– Они что же, нападают без оружия?

– Еще чего! Палят почему зря. В основном для острастки. А убивают показательно, в качестве визитки. То есть тебе как бы об этом не известно?

– Почему же? Как раз я-то граблю и мочу всех подряд. А потом ставлю подпись и дожидаюсь капитана Сычову.

Она усмехнулась.

– Обычный прием для матерого волчары: дескать, у вас на меня ничего нет. А подпись – велика важность. Естественно, возникает мысль, что кто-то тебя подставляет. Пускай менты отрабатывают эту версию. Прямо хоть сейчас. У тебя есть враги, Француз? Может, ты с кем-то что-то не поделил?

Мне было не смешно. Именно в этом направлении я и размышлял, однако, увы, безрезультатно.

– Почему ни телевидение, ни пресса не трубят тревогу? – спросил я.

Она опять помедлила с ответом. Каждое слово из нее приходилось тянуть клещами.

– Информацию мы попридержали. То есть кое-что, само собой, просочилось: такого не утаишь. И все же, в интересах следствия... Не пудри мне мозги, Француз. Колись, какие у тебя три сюжета.

Я повторил:

– Первая линия моя. Звонят мне утром и назначают встречу в «Амброзии». И вот сижу я там, жду у моря погоды. Вторая линия – твоя. Ты со своей бригадой оказываешься в то же время в том же месте. Кто-то вам сообщил – то ли информатор, то ли звонок анонимный... Успокойся: об источниках ваших не допытываюсь. Просто вас каким-то образом уведомили, что в этом баре появится герой ваших кошмаров. Вы пришли и убедились: вот он, гад. Далее ты самопроизвольно, при полном неодобрении коллег, начала меня разрабатывать как законченная...

– Слушай, закрой фонтан!

– И, наконец, линия третья, самая любопытная. Кто-то все же в тебя стрелял. И этот «кто-то» столь же определенно знал время и место. А поскольку я, разбойник и убийца, к нашей с тобой встрече подготовлен не был, значит... У тебя нет врагов, Сычиха? Может, ты с кем-то что-то не поделила?

По лицу Светланы было заметно, что подобные вопросы весьма ее занимают.

– Думаешь, отвел от себя подозрения? – буркнула она.

Я отмахнулся.

– Подозревай, работа у тебя такая. Могу лишь поделиться наблюдением: старший твой коллега убрался из бара первым. Не спрашиваю, куда и зачем. Твой Серега задержался в баре. Не будем, опять же, выяснять причину. В результате под ударом оказалась лишь ты.

Она пружинисто вскочила с табурета.

– Я урою тебя, козел! – Изогнувшись, как дикая кошка, девица направила каблук мне в грудь. – Заткну твою поганую пасть!

Что за денек сегодня!

Уклонясь от удара, я добавил:

– Птичка моя, в совпадения я не верю. Оба твоих партнера как-то вдруг оказались вне игры.

– На ребят стрелки переводить?! Хрен тебе, Француз! – Балансируя на той же ноге, она ткнула каблук мне в лицо. Когда я вновь уклонился, изменила стойку и попыталась двинуть коленом в пах. – Я достану тебя, сучий потрох!

Это сражение на крошечной кухне стало мне надоедать. Однако я подвел итоги:

– Тебя сочли убитой, а твоих партнеров по сыску почему-то отпустили с миром. Волевым образом возникает вопрос...

– Ты нас не поссоришь, урод! – Она принялась размахивать кулаками. Куда подевался черный пояс? – Клала я на твои подначки, понял?!

Ну все. Ей хотелось меня достать – она в этом преуспела. Я перехватил ее руку, завернул за спину и напялил сумку ей через плечо наискось, как почтальонше. Она шипела, пыталась вырваться, но Бог свидетель: я долго терпел. Вытолкнув ее в прихожую, я распахнул дверь.

– Думай, Сычиха, думай! – посоветовал я, поддав коленом под упругий ее задок. И закрыл дверь.

Собрался я на кухне помыть посуду, но не тут-то было. В дверь позвонили. Я открыл. Это опять была она, капитан Сычова.

– Проверю тебя, Француз! Все бельишко перетряхну! А потом...

Я протащил ее через порог и развернул к себе спиной.

– Удачи вам, Светлана Анатольевна. – Я снова дал ей под зад, притом гораздо чувствительней. – В следующий раз приходите с ордером.

Захлопнув дверь, я подождал в прихожей. Но Сычиха вроде уgomонилась. Впрочем, разумно было в этом убедиться.

Пройдя на кухню, я посмотрел в окно. Капитан Сычова энергично переругивалась со своим Серегой. Затем они влезли в красный «москвич» и, объехав желтое такси, укатили. Аминь.

Убрав в холодильник остатки еды, я перемыл посуду и сел размышлять. Черт возьми, до нынешнего понедельника лето было спокойным и безоблачным: школьные каникулы, отпуск... И вдруг словно прорвало. Вместо того, чтобы совершенствовать свой рисунок, я вынужден расхлебывать кашу, которую нормальный Мангуст никогда бы не заварил. Ибо надо признать, что неприятности мои вытекают из моего же образа действий. Нельзя безнаказанно плевать на заповеди: веками они шлифовались, оттачивались и подтверждали свою полезность. А я, нерадивый ученик, за один лишь сегодняшний день нарушил пункты 2-й, 3-й и 4-й. И вот пожалуйста, приглашение к танцам. Теперь придется все бросить и делать за Свету Сычову ее нелегкую работу. Причем в быстром темпе, иначе тут такое завертится...

То ли мне померещилось, то ли тренькнул дверной звонок. Отогнав мрачные мысли, я пошел проверить свой слух. Если это опять капитан Сычова, завтра запишусь на прием к психиатру. И я открыл дверь.

Передо мной на лестничной площадке стоял я. Или тот самый двойник, с которым я подрался утром. Черт нас разберет. Несколько секунд мы пялились друг на друга, затем он произнес моим голосом:

– Позволишь войти?

Я посторонился.

– Валяй.

– Надолго не задержу, – заверил он, направляясь в комнату. – Аскетично живешь, даже без телевизора.

Войдя за ним следом, я возразил:

– Отсутствие телевизора – не аскетизм, а непозволительная роскошь.

Он вежливо хохотнул.

– Оригинально. – И, взглянув на мой автопортрет, обрадовался, – О, нас тут трое!

Я указал на зеркало.

– Четверо.

– Ну да, ну да, – пробормотал он, озираясь.

Идиотизм нашего общения состоял в том, что оно было нормальным. Мы беседовали, как два приятеля, которые случайно встретились в метро. Нам только общих воспоминаний не хватало. И, в общем-то, было неплохо, что он появился. В отличие от нашего утреннего столкновения, сейчас я ни капельки не был растерян: мы с капитаном Сычовой провели бодрящий

раунд. А двойнику моему, очевидно, было известно нечто такое, что и мне также следовало узнать.

– Чем обязан? – осведомился я.

Он разглядывал мою скудную меблировку.

– Даже не спросишь, как я тебя разыскал?

Я пожал плечами.

– Не вижу смысла в этом вопросе.

– Правда? И не полюбопытствуешь, кто я, черт побери, такой?

– Не полюбопытствую.

– Почему? Из самолюбия?

– Причина в другом. Что бы ты ни ответил – не поверю.

Он оторвал наконец взор от моего дивана и рискнул посмотреть мне в глаза. Впечатление было такое, что я гляжусь в зеркало, причем отражение мое замыслило какую-то подлянку.

– И что же ты предпримешь? – проговорил он. – Если не секрет.

– Ты сам-то знаешь, кто я? – ответил я вопросом на вопрос. И по глазам его понял: не знает.

– Знаю все, – сказал он. – А чего не знаю – того и знать не стоит.

«Да ты глуповат, братец!» – удивился я. А вслух произнес:

– В таком случае тебе должно быть известно, что скоро я сам выясню, кто ты, как меня разыскал и, главное...

– Черта с два ты выяснишь! – Он отмерил мне локоть. – Только драться и умеешь!

Вот те раз. А двойничок мой, оказывается, глуповатым считает меня. Забавный расклад.

– И главное, – невозмутимо продолжил я, – быстро докопаюсь, какое отношение ты имеешь к ограблениям с убийствами, под которыми стоит подпись «Француз».

Признаний, разумеется, я от него не ждал – просто хотел посмотреть на его реакцию. Он усмехнулся уголками губ.

– Ты Француз, я Француз. Родная мама нас не отличит, и на земле двоим нам тесно. Что на это скажешь?

– Послушаю тебя.

– Первые разумные слова. Я пришел сделать тебе предложение, от которого... сам понимаешь. Худой мир лучше доброй ссоры, не так ли?

Да он просто клоун какой-то. И внешность его продолжала меня тревожить. Как при столкновении в подворотне, что-то в нем было не так. Но что?

– Давай без сентенций, – сказал я. – В чем твое предложение?

Пройдясь из угла в угол, он отчеканил:

– Уезжай из Москвы – останешься жив, здоров и еще денжат подкину. Сутки тебе на сборы.

– Как, как? – не поверил я ушам.

Он решил меня дожать.

– Уматывай, Француз. Теперь я здесь Француз, я Глеб Михайлович Грин. И только мне решать, кто здесь процветать будет, а кто станет трупом.

– А с женой как? – уточнил я. – Тебе оставить?

Он милостиво махнул рукой:

– Забирай, мне плевать.

– Спасибо, хозяин. – Не выдержав, я расхохотался. – Ну ты, мужик, ваще... Уморишь ведь, уматывать не придется.

Глаза его сузились.

– Веселись, веселись. Но какой твой ответ?

Безусловно, он был безумен. И вместе с тем жалок. И потому, вероятно, опасен вдвойне. Наверное, мне следовало тут же его ликвидировать: распылить на молекулы и баста. Быть может, это было самым правильным, однако... Что-то здесь было не так. После общения с капитаном Сычовой в голове у меня был сумбур. Но в данную минуту, глядя на этого лже-Француза, ей-богу, я понимал еще меньше. И поэтому воздержался от поспешных – возможно, опрометчивых – решений.

– Сперва ответь на вопрос, – проговорил я миролюбиво. – Может, к делу не относится, но все же любопытно.

Он благосклонно кивнул.

– Спрашивай.

– Тот плешистый хмырь, за которым я гнался, кем тебе приходится?

Эффект превзошел ожидания. Он буквально затопал ногами.

– О ком ты говоришь, ничтожество?! Что за слова изрыгает твой рот?! Это кто же плешистый хмырь?! Человек, которому ты даже ботинки чистить не достоин?! Пожалуй, мне придется пересмотреть свое предложение! А ведь я хотел тебе, протобестия, еще и деньги заплатить!

Каков стиль, подумал я, даже лексика изменилась. Что за мерзость всучила мне цыганка перед гибелью? Но чем бы оно ни оказалось, на сегодня с меня было достаточно. Право слово, перегрев.

– Пошел вон! – рявкнул я. – Если не хочешь, чтоб я свернул тебе шею!

Сперва он замер с приоткрытым ртом, затем как ни в чем ни бывало осведомился:

– Как насчет моего предложения?

– Согласен, – кивнул я, – только наоборот. Из Москвы уезжаешь ты, выметаешься к чертовой матери и не попадаешься мне на глаза.

Он ткнул в мою сторону пальцем.

– Ты подписал себе приговор.

Я шагнул к нему.

– Уберешься сам или вышвырнуть?

Он с усмешкой поднял руки.

– В драке я тебе уступаю. Во всем же остальном я гораздо сильнее.

Не дав себе труда выяснить, в чем же конкретно, я вышел в прихожую и распахнул дверь.

– Удались с этой ласкающей мыслью.

С достоинством меня обогнув, он вышел со словами:

– Очень пожалеешь.

– Не сегодня, – заверил я, хлопнув дверью.

Для очистки совести я подождал в прихожей. Но шизанутый мой двойник не в пример капитану Сычовой квартиру мою не штурмовал. Облегченно вздохнув, я прошел на кухню и посмотрел в окно.

Июльский вечер был ясным и светлым. На густо-синем небе бледнела половинка луны. Двойник вышел из подъезда, нащупал взглядом мое окно и по стандартам Голливуда показал мне средний палец. Что ж, на мой взгляд, это ничуть не хуже «протобестии». С подчеркнутой неторопливостью он зашагал прочь. Желтое такси тронулось наконец с места и поехало за ним. Очередное совпадение? Черт его знает.

В дверном замке повернулся ключ, и вошла Дашка.

– Милиционерша отчалила? – поинтересовалась она с порога. Затем подошла и обняла меня сзади. – Долго ты с ней бодался?

– Двойника моего не встретила? – вместо ответа спросил я.

Она развернула меня к себе лицом.

– Он был здесь?

– Значит, не встретила, – заключил я.

Дашкины глаза смотрели испытующе.

– Какой шанс упустила. Хоть плачь.

– Какой-такой шанс? – полюбопытствовал я.

– Усадила бы вас рядышком, рассмотрела бы и выбрала того, кто лучше.

Мы улыбнулись друг другу.

– Что так долго? – проворчал я.

– Во-первых, мы с Илюшкой пытались проанализировать сегодняшнюю дребедень.

– Получилось?

– Не очень: фактуры маловато. А во-вторых, Алка его была так мила, что напоила нас чаем. – Дарья потянула меня в комнату. – Давай-ка сядем на диван, и ты мне выложишь все со всеми подробностями.

– Может, чемодан сперва распакуешь? – запротестовал я. – А то милиционеры спотыкаются.

Мы сели на диван.

– Потом, – отмахнулась Дашка. – Устала жутко. – Она прикрыла рукой зевок. – Эти японские перелеты меня доконали.

Я показал ей кулак.

– Не мудрено. Думаю, подробности мои потерпят до утра.

Она взглянула на меня с тревогой.

– Так все ужасно?

– Наоборот: весело – обхохочешься.

Дашка вновь зевнула и сдалась.

– Ладно. До утра. По дороге я тоже стишок сложила. – Держа меня за руку, она продекламировала:

Одолжу-ка я у Глеба
пядь земли и ломтик неба.
А когда навек усну,
все долги ему верну.

Меня словно током ударило.

– Знаешь, ты кто... – Выдернув руку, я поднялся.

Дашка встала тоже.

– Ты чего?

– Ничего.

– Дурак, это же стишок просто. Шутка.

– Ну и шуточки у тебя, боцман...

– Прекрати реветь. Что я такого сказала?

– Конечно, стишок просто.

– Ну хорошо: ластик! Сотрем его к черту.

Мы принялись вытирать друг другу слезы. Так закончился сумасшедший этот понедельник, и я себя уверил, что вторник уже не застанет меня врасплох. Жаль, вторник этого не знал.

Глава 6

В семь утра, пока Дарья спала, я проделал гимнастику по собственной системе и отправился в шкаф на пробежку. Раздвинув плечики с Дашкиной одеждой, я вышел на зеленый луг и вдохнул цветочные ароматы. Слева от меня шелестел лес, справа – плескалась на порогах река, а метрах в трехстах белел двухэтажный особнячок, в котором недавно жила... Этот дом я построил для хорошего моего друга – Натальи Дмитриевны Салтыковой, единственной феи, повстречавшейся мне за мои 232 года. До нашего с ней знакомства я был убежден, что фей в природе не существует. Во всяком случае, Стивен Пирс, мой учитель, ничего о них не рассказывал, а уж он кого только ни повидал за свои 1648 лет. И вот теперь, глядя на белый особнячок, я в очередной раз проглотил комок в горле. Где вы, Наталья Дмитриевна? Как вам там? Я уверен: где бы вы ни были, вы не сердитесь на меня, мерзавца. Но сам я никогда себя, каналью, не прощу. Как мог я допустить вашу гибель?! Как мог не оказаться рядом?! Вы знаете, графиня, время – не такой уж всемогущий доктор, как принято считать: иные раны с годами кровоточат сильнее. И, слава Богу, ибо в противном случае мы бы оскотинились. Мое имя Ученик, и поверьте, Наталья Дмитриевна: черт меня дерит, я извлеку уроки из своих ошибок.

Из леса доносился птичий щебет, вокруг порхали бабочки, а между редких облаков сияло солнце, похожее на земное, только оранжевое, как апельсин. Я бежал вдоль берега так, как мог позволить себе лишь здесь: пятиметровыми прыжками со скоростью километров сорок в час. Периодически делая рывки, я эту скорость удваивал. Дорога была хорошо знакома, ветерок освежал кожу, и пробежка не мешала размышлять. Обдумав вчерашние перепетии, я составил план действий на сегодня. К окончанию пробежки я сформулировал вопросы, ответить на которые необходимо в первую очередь.

Возвращаясь, я пересек луг, затем – пещерку в холме и через платяной шкаф вошел к себе в квартиру. В окно комнаты заглядывало солнце нашего мира, Дарья спала. Но когда после бритья и душа я вышел из ванной, она подскочила ко мне голая и разгневанная.

– Никогда не смей вот так сматываться! – Она помотала указательным пальцем перед моим носом. Зеленые ее глаза искрились. – Понял, засранец: никогда!

Я уточнил:

– Как это – «вот так»?

– Подлю и тайно.

– А как надо было уйти на пробежку?

Она встала подбоченясь, прекрасная, как ведьма в майскую ночь.

– Надо было спросить: «Дашенька, можно мне на пробежку?» Я бы ответила: «Нельзя, лежи». Тогда следовало повторить просьбу: «Ну Дашуня, я ведь ненадолго». Я бы рассердилась: «Ой, кто-то у меня схлопочет!» Тогда надо было попросить изо всех сил: «Ну Дашулечка, солнышко мое, ну пожалуйста!» Вот тогда, может быть – я подчеркиваю: может быть! – я бы сказала: «Ой, ну ладно».

Мы оба рассмеялись.

– Ей-богу, тебя просто не бывает, – пробормотал я.

Она посмотрела мне в глаза.

– Вот откушу сейчас письку, тогда узнаешь, бываю я или нет.

Мы опять рассмеялись, и она отправилась в душ.

Тем временем я приготовил гренки с сыром и сварил кофе. На кухню Дарья вошла в голубеньком платье, разумеется, коротком, в синих туфельках на шпильке и с моим любимым "конским хвостом".

– Так, – проговорила она, сев за стол, – теперь рассказывай все, чего я не знаю. – И принялась наворачивать гренки с кофе.

– Что ж, – вздохнул я, – как утверждает реклама: ты этого заслуживаешь.

Я вкратце изложил сперва про капитана Сычову, подозревавшую во мне маньяка по кличке Француз, затем сообщил о дружеском визите моего двойника, предлагавшего деньги за мой отъезд из Москвы и грозившего в случае послушания... Шокирующие детали, само собой, я опустил. Однако и общей канвы Дашке хватило вполне. Сперва она замерла с надкушенным гренком, потом вообще про еду забыла. А в финале пересела ко мне на колени и обняла за шею.

– Ни фиги себе!

Я погладил ее «конский хвост».

– Метко подмечено.

Она посмотрела мне в глаза.

– Ты же знаешь, какая я трусиха.

Пряча улыбку, я кивнул.

– Увы.

Она не отводила тревожных глаз.

– Выход один, любовь моя: надерем им задницы.

– Кому? – уточнил я.

Она чуть подумала.

– Тому, кто этого заслуживает.

– Опять в самую точку, – усмехнулся я. – Слезай, пора за дело приниматься.

– Не слезу.

– Слазь, говорю. Мне позвонить надо.

Дашка расторопно подала телефон.

– Буду подслушивать, – сказала она, вновь устраиваясь у меня на коленях.

Я набрал номер. Василий отозвался после пятого гудка:

– Ну, чего?!

– Привет, Сильвестр! – обозначился я.

Васин голос потеплел.

– А, Француз... Привет, Глеб Михайлович! Проблемы какие-то?

– Ты моя проблема, – рубанул я.

Он растерялся.

– В смысле... э-э... без понтов?

– Ты выдернул вчера меня вчера на стрелку? Выдернул. Пришел твой пацан? Не пришел. Причем скормил тебе явную туфту. А меня в том баре уже ребята из МУРа поджидали, очень хотели познакомиться. Сечешь расклад?

– Без понтов? – обомлел Вася.

– Ты лоха-то из себя не корчь. Помнишь телку и двух мужиков за столиком? Пиво они пили.

– Ну.

– Баранки гну. Капитан МУРа она, Сычова. Знаешь такую?

– Не-а. Че-то, Глеб Михайлович, я не врубаюсь. К тебе-то какие у ментов вопросы?

– Кто-то грабит и убивает, оставляя подпись «Француз». Не слыхал?

Похоже, Вася был поражен.

– Вот же хер в сметане... Появился тут у нас гастролер с бригадой, шерстит по всем территориям. Братва на кусочки его порежет, когда найдет. Но чтоб под Француза косил...

– Врубаешься, почему мной МУР интересуется? – ввернул я.

– Да, блин...

– А пацан, который встречу вчера назначил, подставил меня внаглую.

В трубке возникло молчание. Затем Вася пообещал:

– Попадется – потроха ему, суке, выпущу.

Пришлось его поправить:

– Не попадетсЯ, друг Сильвестр, а ты мне срочно его разыщешь. И целехоньким доставишь для конкретного базара. Вопросы есть?

– Есть. Зачем ему вообще тебя подставлять? Такой геморрой...

– Именно это я и хочу выяснить. Дай-ка мне номер мобильного Папани.

– Зачем? – насторожился Василий.

– Отчитываться перед тобой?

– Да нет, я в смысле... У него отключена труба. Он рядом тут, на переговорах по сделке. Я хмыкнул.

– Легальная сделка?

– Ну.

– Тогда вызови Папаню с переговоров, пусть позвонит мне домой.

– Ты че, Француз, опупел? Они там...

– Скажи: срочно! – Я дал отбой.

Дашка тут же полюбопытствовала:

– Кто такой Папаня? Я его знаю?

– Еще бы. В списке Ольги Самарской он значился как Игнат Дока, криминальный авторитет. Ты дважды с ним встречалась.

– А-а, – мигом вспомнила Дашка, – дядечка с плутоватыми глазками. И что мы от него хотим?

– Информацию.

– Какую?

– Хоть какую-то. Просто зацепиться не за что.

Сойдя с моих колен, Дарья прошлась по кухне.

– Охотимся на лже-Француза?

Я кивнул.

– У меня просто нет выбора.

Дарья продолжала рассказывать.

– Вроде, все сходится на твоём двойнике. Почему ты его отпустил?

Я подумал над ответом.

– Само собой, роль Француза словно специально для него написана. Однако... не тянет он как-то на главаря преступной банды. Он, похоже, работает на того хмыря, за которым я гнался. К тому же, вероятно, работает не один. Если бы я с ним разделался, что бы это дало?

Лицо жены выразило сомнение.

– А какой прок в том, что ты его отпустил?

Я пожал плечами.

– Кабы знать. Во всяком случае неплохо бы накрыть всех скопом.

– Как в истории со Змеей, – вздохнула Дарья. – Та же схема.

– Что тебя не устраивает?

– Здесь все по-другому. Зачем, к примеру, двойник явился к тебе с угрозами? Зачем ему вообще с тобой встречаться? Если он о тебе знает, а ты о нем нет...

– Даш, встреча уже состоялась во время погони за типом, на которого указала цыганка. Очевидно, это случайность, но передо мной он был уже засвечен.

– Допустим. Тогда зачем во время налетов он прикрывает рожу колпаком из газеты? Если он так настырно тебя подставляет – казалось бы, он столь же настырно должен демонстрировать свое лицо. Ведь по замыслу: он – это ты.

Я покачал головой.

– Не проходит. Было бы странно, если б вся шайка орудовала в колпаках, а он с улыбочкой разгуливал бы перед видеокамерами. Тут уж и менты заподозрили бы неладное.

– Тогда зачем он подписывается «Француз»? – не сдавалась Дарья. – Ведь и это выглядит нарочито...

Ее прервал телефонный звонок. Взяв со стола трубку, я услышал бодрый Папанин голос:

– Здравствуй, Глеб Михайлович, Француз мой ненаглядный! Приятно, что ты обо мне вспомнил!

– Игнат, я по делу.

– Уж само собой. Разве ты позвонишь просто так?

Дарья взирала на меня выжидательно. Я возвел глаза к потолку.

– Два вопроса, Игнат. Информация нужна.

Папаня хмыкнул.

– Ну, поскольку ты не мент... Что за вопросы?

– Первое. Известно ли тебе что-либо о капитане Сычовой из МУРа?

Помолчав, Папаня буркнул:

– Дальше. Вываливай уж сразу.

– Второе, – продолжил я. – Знаешь ли ты о гастролере, который орудует на ваших территориях и подписывается «Француз»?

Игнат вновь выдержал паузу, затем объявил:

– Хрен редьки не слаще.

– Так знаешь или нет?

– Знаю, что это не ты, Глеб.

– Приятно слышать. Что еще?

– Очень мало. И не по телефону.

– Говори, где и во сколько.

– Давай в «Арагви». Посидим, сделку обмоем.

– Не до пьянки, Игнат. В другой раз.

– Вечно у тебя другой...

– Пустырь возле моей школы помнишь? Давай там, – предложил я.

Папаня хохотнул.

– Криминальные у тебя повадки, Глеб Михайлович. Мне уже несолидно забивать стрелку на пустырях.

– Через полчаса, Игнат. Успеешь?

– О, кей. – Игнат вздохнул и отключился.

Отложив телефон, я направился в прихожую. Дарья двинулась следом.

– Я с тобой.

– Даже не думай. – Я натянул кроссовки.

– Почему?

– У тебя другое задание.

Тут позвонили в дверь. Я открыл, и перед нами предстал Илья с папкой под мышкой. Делая вид, что не замечает Дашки, он осведомился:

– Где она? В Японии, на Аляске или в Занзибаре?

– Не дожدهшься! – буркнула Дарья.

– О, знакомый голос. – Илья вошел. – Значит, все еще дома.

А я, наоборот, вышел и, держась за дверную ручку, обратился к жене:

– Во-первых, введи товарища в курс событий, и попробуйте совершить мозговой штурм.

– На штурм я и сама способна, – проворчала Дашка. – Без этого Гольдберга.

– Скорей, на штурм, – скаламбурил Илья.

– Во-вторых, – продолжил я, – дозвонитесь Стасу и попросите срочно приехать. Желательно, чтоб к моему возвращению он был здесь.

Брови Ильи приподнялись.

– Обстановка накаляется?

– Не так чтоб очень. – Захлопнув дверь, я побежал вниз по лестнице.

Интересно, почему я так ответил? До сих пор гадаю: был я набитым дураком или просто хотел их ободрить? Пытаюсь верить в последнее.

Глава 7

Открывая дверцу «жигуленка», я погружен был в размышления. При этом шурился на солнышко и слушал жужжание мохнатого шмеля. Словом, не Мангуст, а раззява. Лишь выехав со двора на дорогу, я увидел в зеркальце пресловутого двойника, ухмыляющегося с заднего сиденья. С клоунской ужимкой он подмигнул.

– Привет Глебу от Глеба, Французу от Француза!

Пожалуй, это было слишком. Я похлопал по сидению рядом с собой.

– Перелезай сюда, потолкуем.

Он хмыкнул.

– Запросто. – И, сгруппировавшись, легко перелез и занял место со мной рядом. Затем положил руку мне на плечо. – Так и быть, даю тебе еще сутки. Но потом...

– Потом еще сутки, – перебил я, объезжая троллейбус и стараясь держаться ближе к тротуару. – Потом двое суток и так далее по нарастающей.

– Размечтался! – нахмурил он брови. – Через сутки ты окажешься в аду.

В зеркальце я заметил следующее за нами желтое такси. Разумеется, это ни о чем еще не говорило, но быть разиней я более не собирался. Я стряхнул его руку с плеча.

– Не пугай меня адом, детка. Ад для каждого начинается здесь и сейчас.

Подумав над этим, он кивнул.

– Возможно. Значит, твой личный ад наступит завтра.

– Не опоздать бы к началу.

– Будь спокоен: без тебя не начнем.

– Кто это «мы»? – Я медленно ехал в правом ряду, и желтое такси, сбросив скорость, плелось за нами. – Ты со своим толстозадным шефом? С тем плешаком, который улепетывал от меня, как заяц?

– А ну, полегче! – Голос двойника слегка изменился и уже не так напоминал мой собственный. – Не рассуждай о том, в чем ни черта не смыслишь! Надо мной нет шефа, я сам по себе!

Пренебрежительное упоминание о господине в полотняном костюме моего двойника явно заводило. И я подобрал угольку.

– Рассказывай сказки бабушке. Тот плешак вертит тобой, как хочет. Кстати, он похож на гомика. Может, вы с ним сладкая парочка?

Намереваясь вывести его из равновесия, я не рассчитывал на эффект такой силы. С воплем «Ах ты, сволочь!» он вцепился в кисти моих рук и дернул. Руль я удержал, но машинку развернуло поперек движения. Бог весть каким чудом желтое такси не врезалось нам в бок. Там и сям раздались автомобильные гудки. Аварии удалось избежать, но бесноватый мой двойник продолжал дергать меня за руки.

– Не доживешь до завтра, сволочь! Не доживешь!

Пора было с этим заканчивать. Левой рукой я ухватил двойника за волосы и прижал его голову к своему колену, а правой рукой открыл дверцу с его стороны. «Жигуленок» мой меж тем вполне самостоятельно катил вдоль тротуара, и оставалось лишь надеяться, что несообразность эту никто не засек.

– Пошел вон! – я выпихнул двойника из машины. – Завтра придешь с родителями!

Он шлепнулся на тротуар, перекатился и, встав на ноги, показал мне средний палец. Люди безучастно проходили мимо, не обратив на инцидент ни малейшего внимания. Это было странно даже для эгоистичной Москвы. Впрочем, общее невнимание мне лично было только на руку. Захлопнув дверцу, я поддал газу и заметил, как слева меня обходит все то же желтое

такси. Оно вырвалось вперед и растворилось в транспортном потоке. Интересное кино получается: детектив, триллер и черная комедия. Жаль, подобная мешанина не в моем вкусе.

По дороге до места встречи я ломал голову, трактуя события так и этак, но вскоре бросил это занятие. Ничто ни на дюйм не прояснилось, только запуталось.

Папаня уже поджидал меня на пустыре возле серебристого «мерседеса». Он был в костюме, при галстуке, и жиденькая его челка была тщательно прилизана вбок. Рядом с боссом жмурился на солнышке Вася, который – во, блин, приколы! – тоже был в костюме и при галстуке. Глянешь – сразу видать: конкретные мужики с важных переговоров. В «мерседесе» находился только шофер – и никаких амбалов. То есть вообще. Что творится на белом свете?

Выдав мне белозубую улыбку, Вася указал на свои часы.

– Опаздываешь, Глеб Михайлович.

– А сам? – парировал я. – Сколько я вчера тебя ждал?

Папаня ослабил узел галстука.

– Пора с вас обоих бабки лупить, – подмигнул он, – в мою копилку.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Ладно, Игнат, – сказал я, – выкладывай, что знаешь.

Плутоватые глазки Папани, оглядев окрестности, уперлись в карман моей рубашки.

– Деловой – спасу нет. Спросил бы, как мое здоровье, бизнесом бы поинтересовался.

Я взглянул на часы.

– О твоём бизнесе, Игнат, меньше знаешь – крепче спишь.

– Во-во! – хохотнул Вася.

Папаня с усмешкой возразил:

– Жизнь меняется, Француз, и не всегда в худшую сторону. Может, посидим в «Арагви»?

– Правда, Глеб Михайлович, поехали! – подхватил Вася. – На часок-другой!

Я поймал вдруг себя на том, что приятельски улыбаюсь этим представителям адаптированного криминала.

– Спасибо, в другой раз. Вот разгребу проблемы... Игнат, выкладывай: времени мало.

Лицо Папани выразило досаду на мою упертость.

– О, кей. Что касается Сычихи, капитана Сычовой то есть, о ней скажу мало. Мент она, вроде, правильный. Работает по особо тяжким. Методы у Сычихи нетрадиционные, за что ее дважды чуть с Петровки не турнули. Сейчас она в группе майора Калитина...

– Что значит нетрадиционные методы? – уточнил я. – Можешь привести пример?

Папаня наморщил лоб.

– Скажем, такой случай. Верь, не верь – за что купил. Накрыли они в Ясенево подвал с оружием и повязали шестерых пацанов. Те, дуболомы, отбиваться вздумали. Двоих Сычиха уделала в драке и во время шмона обнаружила в сумке старшего пакет кокса, граммов триста. Вместо того, чтобы оприходовать этот кокс, как положено, она под угрозой «макарова» заставила задержанного сожрать весь пакет до крошки. Хорошо, бедняга проблеваться успел... Что лыбишься, Француз? Понравилось?

– Как можно? Я возмущен до глубины души.

– Оно и видно. За эту выходку Сычиху распять хотели, но как-то обошлось. Сейчас она ловит отморозка, про которого ты спрашивал. О нем известно еще меньше. Что он подписывается «Француз» – это мелочь. Главное...

– Ни фига себе мелочь! – ввернул я. – Прилепили мне эту кличку, кто-то ее использует, а Сычиха трясет меня!

Вася сплюнул себе под ноги.

– Мы его достанем, Глеб Михайлович. Гадом быть, достанем.

Папаня с усмешкой на него покосился.

– Василий, знаешь, кто ты? Ты энтузиаст.

– Хорош прикалываться, – буркнул Вася.

– Нет, кроме шуток. Ты что ж, лохотрон, думаешь, Глеб уголовки боится? – Игнат бросил на меня лукавый взор. – Глянь, дрожит весь! Угомонись, Василий.

Увы, умный этот ворюга знал обо мне достаточно. И поправить здесь ничего было нельзя, поскольку свидетелей я должен избегать, а не ликвидировать.

– Короче, Игнат, – сказал я. – Говори по делу – и разбежались.

Папаня продолжил с того места, на котором я его прервал:

– Главное, что известно об этом отморожке: дерется он, как смертоносная машина. И людей мочит не по нужде, а из удовольствия.

– Если бы мочил по нужде, – не удержался я, – был бы не отморожок, а путевый пацан.

Папаня, пропустив мою шпильку мимо ушей, продолжил:

– Эта падла скачет по Москве, как блоха: сегодня здесь чморит, завтра – там. Если достанешь его, Глеб, ментам не отдавай, ладно? Братва будет тебе благодарна и за это... Не вскипай. Я понимаю, что нашей благодарностью ты можешь подтереться. Но если понадобится информация, любая...

Я прыснул.

– Игнат, я всегда знал, что мозги у тебя работают. Стало быть, я ловлю отморожка, МУР охотится за мной, а лояльный московский криминал как бы не при делах. Браво, Игнат. Но знаешь, что самое смешное?

Папаня держал себя достойно. Прищулив один глаз, он спросил:

– Что?

– Самое смешное, что меня это вполне устраивает. Все равно проку от вас как от козла молока.

– За козла ответишь, – пошутил Папаня. – Ладно. Если что – звони.

– Непременно. – Я взглянул на Васю. – Срочно разыщи того малого. Похоже, он – важная ниточка.

– Костями лягу. – заверил Вася. – Без понтов.

Тут мы собрались рвануть в разные стороны: кому в ресторан «Арагви», а кому отморожка ловить. Однако получилось не сразу.

На пустырь прикатил вдруг «москвич» грязновато-красного цвета. Возможно, где-то в подлунном мире существовало еще одно средство передвижения подобной расцветки, но я был уверен, что из этой колымаги, как чертик из табакерки, выпрыгнет сейчас капитан Сычова. Разумеется, так и оказалось. Светлана Анатольевна материализовалась первой, за ней – оба ее вчерашних спутника: здоровяк Серега и суровый мужчина, слинявший из бара до выстрелов. И вся эта удалая троица, лица которой выражали торжество закона, чеканным шагом направилась к нам. Если Игната с Васей появление муровцев как-то взволновало, внешне это никак не выразилось. Папаня лишь расстегнул верхнюю пуговку сорочки.

На муровцах мужского пола надеты были ветровки, под которыми угадывалась выпуклость наплечной кобуры. Сычиха, напротив, одета была по-летнему – джинсы, кроссовки, маечка – и оружия не имела. Но, невзирая на миловидность этой девицы, в серых ее глазах читалась решимость порвать нам пасть голыми руками.

Я тихо спросил:

– Как они здесь оказались?

– Хер их знает, – в полный голос ответил Папаня.

Шагов за пять до предполагаемого контакта суровый мужик предъявил нам удостоверение:

– Майор Калитин, уголовный розыск.

Сидевший в «мерседесе» шофер собрался было вылезти, но Папаня махнул ему.

– Не дергайся.

– А пусть дернется, – предложила Сычиха. – Пусть себя проявит.

Вася оскалил белоснежные зубы.

– Ну и че будет? Че ты сделаешь?

Девушка шагнула к нему, словно ее пригласили на танец.

– Хочешь узнать? Щас узнаешь, испытаешь удовольствие.

Вася начал стаскивать пиджак.

– Ну давай, ляля...

– Захлопни пасть, – негромко приказал Папаня. По выражению его лица стало ясно, как управляет он своим уголовным княжеством.

Вася угрюмо вернул пиджак на плечи.

Сычиха вздохнула.

– Жаль. Мог бы расквасить яйца.

– Капитан Сычова! – прикрикнул майор Калитин. – Держите себя в руках!

Сычиха пронзила его взглядом.

– Слушаюсь!

Ей-богу, она мне нравилась. Если б еще держалась от меня подальше. Но, судя по всему, надеяться на это было наивно.

После неловкой паузы майор Калитин обратился к Папане:

– Дока Игнат Владимирович, вы и ваши люди в данный момент нас не интересуете. Можете следовать по своим делам.

И верзила Серега прибавил:

– Смените заодно подгузники, пацаны.

– Лейтенант Гномкин! – Майор покосился на Сычиху. – Дурной пример, говорят, заразителен.

Смотрел я на них и гадал, на кого рассчитан бездарный этот спектакль. На Доку? Так ведь он и впрямь им не нужен. Если на меня, то зачем? Вывести из себя, сбить с толку?.. Смех просто.

Меж тем майор Калитин выжидал, давая возможность Игнату сесть в «мерседес» и свалить. Папаня, однако, не спешил. Стоя рядом с Васей, он хмуро наблюдал за происходящим. Что было делать майору угро, намеревавшемуся отделить Француза от криминального коллектива? Гнать Папаню именем закона с городского пустыря? Но ведь он, майор, сам же объявил, что против Игната Доки ничего не имеет. Значит, именем закона не получится. Так что же, заламывать мне руки при свидетелях?

Ушлый майор принял соломоново решение:

– Грин Глеб Михайлович, прошу вас пройти с нами.

– Куда? – любопытствовал я.

Сычиха, радость моя ненаглядная, ответила без запинки:

– В похоронное бюро, мерку снять.

Майор глянул на нее с осуждением, но одергивать не стал. Затем дал мне правильный ответ:

– Поговорить надо. Можно проехать на Петровку, а можно – у нас в машине. Что предпочитаете?

Я бесшабашно махнул рукой.

– Едем на Петровку.

Они обменялись взглядами. Везти меня к себе в контору, видимо, в их планы не входило. Глядя на ухмыляющегося Васю, капитан Сычова в досаде пригрозила:

– Щас ты у меня поскалишься, подлюга!

Вася вспыхнул, покосился на невозмутимого Папаню и промолчал. А майор Калитин наградил меня скупой милицейской улыбкой.

– Так далеко ехать? В такую погоду?

Я пожал плечами:

– Сами предложили.

– Погорячились, – признал свою оплошность майор. – У нас к вам несколько вопросов. Можем прояснить их прямо здесь.

Сказать, что мне все это надоело – значит слукавить. Во мне клокотало такое бешенство, что я готов был запихнуть этих горе-сыщиков в их красное авто и зашвырнуть куда-нибудь в Гималаи. Весь ужас заключался в том, что мне это было раз плюнуть.

– Извините за назойливость, – возразил я вежливо, – но я вынужден настаивать на поездке в МУР.

– На кой черт?! – вырвалось у майора Калитина.

– Хочу, чтоб у меня взяли отпечатки пальцев.

Троица вновь обменялась взглядами. Они явно были в смятении, о причинах которого нетрудно было догадаться. Майор попытался сделать хорошую мину:

– Господин Грин, позвольте уж нам решать...

– Ну конечно! – перебил я. – На открытках с подписью «Француз» – никаких отпечатков. А на местах преступлений, как говорится, ищи-свищи. У вас, дуболомов, ничего нет...

– Заткни фонтан! – Сычиха шагнула ко мне. – Или я сама его заткну!

Я вздохнул.

– Светлана Анатольевна, уймись. Я не в настроении. – И повторил майору, – У вас нет ничего, кроме...

Сычиха прыгнула, целясь пяткой мне в лоб. Убивать, очевидно, не собиралась – просто хотела «заткнуть фонтан». Прыжок, надо заметить, был впечатляющий: леди вспорхнула, точно в балетном «па». Я чуть отклонился, присел и поймал ее на руки. Затем, держа как невесту перед брачной ночью, бережно поставил на травку, развернул к себе спиной и дал коленом под зад. Пролетев метров пять, она грациозно опустилась на четвереньки. Товарищи по работе ошеломленно следили за ее успехами в борьбе с земным тяготением.

– Кому-то прокладки надо менять, без понтов, – не сдержался Вася.

Папаня ему подмигнул.

– Помочь рвешься?

Пунцовая от стыда и ярости, Сычиха, невзирая на окрик майора, вновь ринулась на меня. Не знаю, что она задумала изобразить, но блеснуть мастерством ей опять не удалось. Нырнув девице под руку, я снова оказался у нее за спиной... Нет, от пинка под зад на сей раз я воздержался: это могло войти в привычку. Я лишь обхватил брыкающуюся каратистку вместе с прижатыми к телу руками и в третий раз обратился к ее начальству:

– У вас ничего нет, кроме трупов с открытками. И это за два месяца. Благо, на открытках подпись «Француз». Что бы вы без нее делали?

Майор Калитин сухо произнес:

– Отпустите капитана Сычову.

– Пусти, недоносок! – Сычиха извивалась в моих руках.

Я мотнул головой.

– Не могу, Светлана Анатольевна. У вас черный пояс, я опасаюсь за свою жизнь. – И вновь обратился к ее шефу, – Какие у вас ко мне вопросы? Где я был с шести до девяти? Не смешите, майор. Вдруг выяснится, что под газетными колпаками налетчиков скрываются удалые милиционеры?

Сычиха, замерев на мгновение, перестала извиваться. Майор Калитин хмуро на меня посмотрел, приоткрыл рот, но промолчал. В голове его явно бродили невеселые мысли. Окрысился лишь верзила Серега с пародийной фамилией Гномкин.

– Думайте, что говорите! Какие у вас основания подозревать милицию?!

Вместо меня ответил Вася:

– Во, блин! Да я тебе вагон оснований выкачу!

Внезапно ситуация изменилась. Не успел Вася выкатить обещанный вагон, а Игнат – умерить его пыл, не успел лейтенант Гномкин затеять ссору, а майор – ее пресечь, не успела Сычиха вырваться из моих рук, а я – придать ей нужное ускорение, как возле Папаниного «мерса» лихо затормозил “BMW” цвета капучино с джипом сопровождения позади. Если так пойдет и дальше, маленький наш пустырь вскоре будет напоминать полигон во время боевых учений.

Я отпустил Сычиху, и она, утратив агрессивность, воззрилась на “BMW”, из которого вышел сухопарый господин лет шестидесяти в светлом костюме и с тросточкой. Два накачанных амбала конвоировали его по бокам. Из джипа выскочили еще четыре амбала и расторопно прикрыли корму хозяина. Господин с тросточкой степенно приблизился к нашей скульптурной группе.

– Игнат, – произнес он капризно, – стол накрыт. Я не привык ждать.

Папаня выразительно посмотрел на офицеров МУРа.

– Обстоятельства, Павел Тимофеевич. Обстоятельства выше нас.

Лицо Павла Тимофеевича, все в мелких морщинах, вроде бы улыбалось, но водянисто-голубые глаза, пристальные и холодные, этой улыбке явно противоречили.

– К черту обстоятельства, Игнат. Я жрать хочу. – Он обвел взглядом присутствующих. Майор Калитин непроизвольно вытянул руки по швам. И сухопарый господин строго проговорил, – Всех знаю. – Он указал на меня тростью. – А этого – нет.

Я чуть поклонился.

– Странно, что я существую.

Сычиха скосила на меня глаза едва ли не с симпатией.

А господин с тросточкой обратил взор на Папаню.

– Тот самый Француз? Да, Игнат?

Плутоватые глазки Игната избегали смотреть в мою сторону.

– Да, Павел Тимофеевич, в общем-то...

– Майор Калитин! – гаркнул я. – Либо едем на Петровку, либо адье, как говорят французы!

Майор не отозвался: он ел глазами господина с тросточкой. И тот, словно только что майора заметил, соорудил удивленную мину.

– Чем занимаешься, Алексей? Бандитов ловишь?

У майора Калитина вспыхнули уши.

– Да так, Павел Тимофеевич... – пролепетал он. – Просто возникли кое-какие вопросы.

– К нему? – Павел Тимофеевич указал на меня тростью. – Брось дуришь, Алексей Иванович. Мне за него поручились.

– Но извините, – запротестовал майор, – все же мы обязаны проверить...

– Не там ищешь, олух! – взвизгнул вдруг господин с тросточкой. – Хочешь себе проблемы?

– Да нет, Павел Тимофеевич, я просто...

– Вали отсюда, Алексей! Забирай своих шавок и вали!

Красный как рак майор Калитин двинулся к “москвичу”. Лейтенант Гномкин с каменной физиономией зашагал рядом. А Сычиха, проходя мимо господина с тросточкой, процедила:

– Я не шавка, Хлыст. Заруби это на носу.

И господин из “BMW” несолидно огрызнулся:

– Вали, вали, не отсвечивай!

“Москвич” с муровцами уехал с пустыря. А мне оставалось лишь гадать, кто такой этот Павел Тимофеевич – непрошенный мой благодетель. Объект моих недоумений меж тем подошел ко мне с улыбочкой.

– Ну, как я это разрулил? – Он хлопнул меня по плечу и был весьма удивлен, что плеча на месте не оказалось.

– Блестяще, – ответил я. – Но не стоило хлопот.

– Да ну, какие хлопоты? Рад был помочь. – Он вновь попытался хлопнуть меня по плечу – и ладонь его опять чиркнула по воздуху. Ему это не понравилось, но он продолжал улыбаться. Лицо его в мелких морщинах выглядело, как треснувшая яичная скорлупа. – Смотрю, вы мужик увертливый. Ценю.

Я слегка шаркнул ногой.

– Приятно слышать.

Ехидство мое от него не ускользнуло, его водянисто-голубые глаза приобрели штормовой оттенок.

– Говоришь, он жутко крутой? – обернулся он к Папане. – А я вот сомневаюсь.

Игнат занервничал: наше столкновение, очевидно, в планы его не входило.

– Можешь сомневаться, Пал Тимофеич, только поехали жрать. Ты, вроде, с голоду поми-
рал.

Словно прикинув что-то в уме, Павел Тимофеевич произнес:

– О, кей, Француз, едем в “Арагви”. Потолкуем за обедом.

– О чем? – спросил я.

– Там узнаешь. Лезь в машину.

– Спасибо. Жрите без меня.

Казалось, он огреет меня тростью. Но он (то ли благоразумие возобладало, то ли я был ему зачем-то нужен) лишь приказал:

– Ты поедешь.

Вася, которому хорошо было известно, чем все могло кончиться, пробормотал:

– Ну, блин, Пал Тимофеич...

Игнат поспешно предложил:

– Отстань, Хлыст. Человек не голоден, у него диета. Поехали, пора сделку обмыть.

Но господин с тростью, похоже, сделался невменяем. Глаза его присосались ко мне, как пиявки, губы подрагивали от злости.

– Лезь в машину. Нужно обсудить кое-какой проект. Не залупайся, фраер.

Возможно, у Павла Тимофеевича временно помутился рассудок... Возможно, он просто не переносил ни в чем отказа. Копаться в этом у меня не было ни малейшей охоты. Я взглянул на побледневшего Папаню.

– Надрать бы тебе уши, Игнат. И за приглашение в “Арагви”, и за случайную эту встречу.

Игнат промолчал. Еще бы! Ему с милым этим дядюшкой предстоит деньги делать, и небось немалые. Ладно, мне-то что? Я направился к своему “жигуленку”.

– Стой! – приказал Павел Тимофеевич. И, поскольку я не внял, крикнул одному из охранников, – Давай, Гринь! Ткни его мордой в дерьмо!

На что Игнат угрюмо заметил:

– Хлыст, я тебя предупреждал.

На пути моем возник амбал, меланхолично жующий жвачку. На сонной его физиономии читалось: “Мне лично ты – до фени. Но раз хозяин приказал...” Он встал в низкую стойку и приготовился к атаке. Боже, как они все надоели! Сколько их было за двести с лишним лет!.. Я дал ему шанс.

– Тебе за это не платят, – сказал я. – Ты не обязан выполнять прихоти клиента.

“Клиент” хохотнул за моей спиной.

– Давай-давай, проповедуй. Вмажь ему, Гриня!

Мой призыв к благоразумию пропал втуне. Парень выбросил правую ногу, целя мне в лицо. Я отклонился, не сходя с места, и уведомил:

– Какую ногу поднимешь, ту и сломаю.

Не знаю, серьезно ли он отнесся к моим словам, однако жвачку выплюнул. Затем сделав руками обманку, левой ногой попытался ударить меня в голень. В момент его движения я сам нанес ему удар под колено. Послышался короткий хруст. Он завалился с воплем набок, обхватив сломанную ногу. Все это было до тошноты глупо и предсказуемо. Но, как обычно, урока никто не извлек.

Пока охранники суеились вокруг подбитого коллеги, а Игнат с Васей пытались урезонить бесноватого Павла Тимофеевича, сей последний, не желая вовсе урезониваться, издал воинственный клич:

– Серый, давай! Уделаешь его – проси что угодно!

И, разумеется, Серый не устоял. Обогнав меня возле «жигуленка», он заслонил водительскую дверцу. Дитина был приземист и широк в плечах. Ухмыляясь кривыми зубами, он вступил со мной в переговоры:

– Давай без каратэ-шмаратэ. Согласен?

– Можем вообще разойтись миром, – предложил я.

Он мотнул квадратной башкой.

– Не-а, драться будем. Но давай боксом, до нокаута. Согласен?

Ну до чего славный парень. Передо мной покачивался и приплясывал типичный полутяж, вес которого превышал мой килограммов на десять. И вот, стало быть, этот умник предлагал мне биться по-джентльменски против пудовых его кулаков. И, что забавно, он почему-то рассчитывал на мое согласие. Я бы оказался скотиной, если б его разочаровал.

– Идет, – кивнул я. – Бью в солнечное сплетение, минут за десять очухаешься.

Он заухмылялся и восплясал пуще прежнего. Затем попытался достать меня джебом. Затем согнулся пополам и рухнул на щебенку, не успев заметить, что с ним произошло. Мышцы живота у него были как литые. Но не для Мангуста. Надо ли говорить, что никакой радости от победы я не ощутил? Только грусть и горечь. Всегда только горечь.

Галдящие за моей спиной «зрители» в недоумении примолкли: как-то слишком быстро свалился Серый, не оправдал ожиданий. Открыв дверцу «жигуленка», я оглянулся. Папаня с Васей понуро уперли зады в «мерседес». Они опасались моего гнева. Зря.

А Павел Тимофеевич, господин с тросточкой, не опасался ничего абсолютно. Более того, как ни странно, он выглядел довольным. Вот его я бы взял за горло... Однако сел в машину и уехал.

Не хвали меня, Стив Пирс. Я отпустил мерзавца не потому, что сохранил хладнокровие воина, и не из уважения к заповедям Мангустов. Я не прибил господина с тросточкой лишь потому, что мне было жаль его охранников, которых пришлось бы заодно покалечить. Но для тебя, учитель, в этом все же есть утешение: школярские мои выходки иногда совпадают с правилами.

Глава 8

Гоня по нагретому асфальту к дому, я с досадой думал о том, что не продвинулся ни на шаг. Что сообщил мне Папаня об отморозке, именующем себя Француз? Дерется, как смертоносная машина. Ладно, положим, это кое-что. Но где искать этого ниндзю?

Было полтретьего пополудню. Солнце пекло умеренно, без напряжения, и языки встречных собак не вываливались от жары. Язык готов был вывалиться у меня от этих головоломок. Даже ветерок, врывающийся в окошко, ничуть не освежал.

Допустим, мой двойник и есть Француз – отморозок. Что говорит в пользу этой версии? Он полная моя копия, это раз. Хочет меня изгнать и называться моим именем, это два. Дерется опять же: выдержал около минуты поединка со мной – не фунт изюма. И все-таки не верю. Почему? Глуповат, неуравновешен... Если б только это. Несамостоятелен, наверняка работает на того хмыря в полотняном костюме... Так-так, теплее. Он знает, что уступает мне в драке, но абсолютно уверен в своей неуязвимости. Еще теплее. Он ведет себя так, будто убежден, что я не сдам его в милицию. Интересно, с какой стати? Может, в этом вся заковыка?

Приближаясь к дому, я въехал в безлюдную улочку с односторонним движением. И на тихой этой улочке, припарковавшись на тротуаре, меня поджидал, мать его, красный «москвич». Чтоб не оставалось сомнений, что это именно тот «москвич» и приехал он по мою душу, из него вышла капитан Сычова и встала на проезжую часть: мол, вылезай, гад, твоя песенка спета. Ей-богу, до вчерашнего понедельника я мог бы посетовать на некоторую монотонность жизни.

Притормозив, я выглянул из окна.

– Светлана Анатольевна, хотите, повешусь на этом столбе?

Казалось, она обдумала мое предложение.

– Выйди, поговорим. Пять минут, не больше. – В голосе ее прозвучало едва ли не извинение.

Что делать? Я припарковался рядом на тротуаре и, выходя, указал на свои часы.

– Время пошло.

Сычиха окинула меня хмурым взглядом. Будто решала в уме задачу, в которой я был одним из неизвестных.

– Что стоять, – буркнула она, – давай пройдемся.

– Под ручку? – уточнил я.

– В теньке походим, – проигнорировала она шутку. Очко в ее пользу.

Красный «москвич» был пуст: других сотрудников МУРа не наблюдалось. Улочка также была пуста, словно в испанском городке в часы сиесты. И девушка в джинсах, офицер уголовки, приглашала меня прогуляться. Обстановка напоминала кадр из мистического триллера.

– Ладно, – кивнул я. – Только без предисловий.

Мы перешли на другую сторону улочки, в тот самый тенек. И Сычиха взяла быка за рога:

– Один вопрос и деловое предложение...

– Стоп! – перебил я. – Сперва мой вопрос.

Ее серые глаза блеснули сталью. Ну конечно, вопросы здесь задает она.

– Слушай, я не уполномочена...

– Светлана Анатольевна, либо вы отвечаете, либо приходите с ордером. Часы, между прочим, тикают.

Она так напряглась, словно прикидывала, расстаться ли ей с невинностью сейчас или отложить на после обеда. Практические соображения победили.

– Задавай, – разрешила она с неохотой.

– Кто такой Павел Тимофеевич и почему вы обозвали его Хлыстом?

Ее удивленный взгляд выразил облегчение.

– Ах, заступничек твой... Хлыстин – то ли вор в законе, то ли сам по себе – толком не известно. Первый такой случай на моей практике. У Хлыста корпорация под названием «Стратосфера»: цветные металлы, элитное строительство, лекарства, бензин, сеть супермаркетов. Это легально. А что подпольно – сам черт ногу сломит. К Хлысту не подступиться: он и группировки в кулаке держит, и в правительство дверь коленом открывает. Гнида редкая, но ухватить его... не знаешь даже, с какого бока. При том в такое дерьмо ухнешь...

– Понятно, – ввернул я. Хотя ни шиша мне было не понятно. – Я-то ему на кой?

Сычиха пристально на меня посмотрела.

– Это и меня интересует, Француз. Очень интересует.

Я пожал плечами.

– Полагаю, скоро выяснится. Ладно, Светлана Анатольевна, ваша очередь.

Мы прохаживались по тротуару туда и обратно. Не сводя с меня взгляда, Сычиха вдруг улыбнулась. И опять нельзя было не заметить, что улыбка чертовски ей шла.

– Где ты был вчера с десяти до часу ночи? – спросила эта милицейская стерва.

Я и бровью не повел.

– Дома. Подтвердить может только жена. Простите, мне очень стыдно.

На иронию Сычиха не прореагировала, лишь кивнула с таким видом: дескать, чего от тебя еще ждать. И сказала:

– Жена у тебя – глаз не оторвать. Я сперва аж обмерла от зависти.

Я опешил (очко в ее пользу) и осведомился:

– Что совершил Француз в указанное вами время?

Она вздохнула.

– Винный магазин на Таганке. Убит сторож.

– Приемом каратэ, – подхватил я. – И, разумеется, открытка с навязчивой подписью.

– Именно навязчивой, – согласилась Сычиха. Третье очко в ее пользу.

Что-то я наладился подсчитывать очки. Не к добру.

– И в связи с этим, – догадался я, – у вас ко мне предложение.

Она кивнула, отведя взгляд.

– Конечно, Француз, я под тебя покопаю, чтобы вполне убедиться, но... Я уже не верю, что это делаешь ты. Я, конечно, не Зигмунд Фрейд, но не тот ты человек, чтобы такое творить.

– Догадался Штирлиц, – не удержался я.

Она развела руками.

– Ну не Штирлиц, айм сори. Но гниду эту я изведу.

Я бросил взгляд на облачка, затем – на хмурую Сычиху. И этот мир не казался мне уж столь безнадежным.

– Трудновато придется, Светлана Анатольевна.

Она отмахнулась.

– Разберусь. У меня вот какое предложение: уезжай из Москвы, Француз. Хоть на месяц. Ляг на дно, чтоб ни одна собака не знала, где ты. И не высывайся.

Черт возьми, это уж слишком. Не многовато ли желающих выпереть меня подальше?

– Какого рожна? – осведомился я нелюбезно.

Она снизошла до объяснений:

– Если ты свалишь, здесь останется лишь один Француз – которого мы ищем. Что бы он ни сделал, к тебе это уже не привяжут. Мы выйдем с ним стенка на стенку, без подставок. Сваливай, пока я не возьму эту мразь.

Я постарался сохранить самообладание.

– Светлана Анатольевна, а начальство ваше в курсе этого грандиозного проекта?

Она изучала шнурки своих кроссовок.

– Им лучше не знать. А то меня турнут.

– И правильно сделают, – отрезал я. – Поскольку вы не только не Штирлиц, но даже не майор Пронин.

Щеки ее вспыхнули.

– Слушай, заткнись! Мое дело предложить...

– Сама заткнись, умница. – Я постучал себя по лбу. – Гнать тебя надо из МУРа за профнепригодность.

Она покраснела до ушей и встала в стойку, в очередной раз намереваясь на меня напасть. Однако взяла себя в руки, перевела дух и спросила:

– Почему?

– Потому что, – ответил я, – при данном раскладе я не могу даже съездить на пикник, не то что свалить из Москвы.

Подумав, она потребовала:

– Объясни.

– Боже мой, Света! Если я съеду с квартиры, где прописан, а грабежи будут продолжаться, что подумают в твоём ведомстве?

На лице ее, как говорится, отразилось понимание.

– Решат, что ты ушел в подполье и оттуда бомбишь...

– Дошло! Если у вас имеется версия, пусть хилая, что меня кто-то подставляет, стоит мне исчезнуть – оба Француза сольются в одного. Только вообрази: возвращаюсь я домой, скажем, через месяц, а бандюгу ты не поймала...

– И тебя можно брать тепленьким, – сконфузилась Сычиха. – Никакое алиби не сработает.

– Естественно, – подхватил я. – Если, например, окажется, что в момент совершения преступления Француз находился в ресторане при двадцати свидетелях, то невозможно будет установить, я это или двойник. Ситуация тупиковая.

Сычиха скосила на меня глаза.

– Какой двойник?

Впору было язык себе откусить.

– Так, – отмахнулся я, – одна гипотеза.

– Выкладывай. Важна любая зацепка.

– Да нет, это бред, просто...

Из-за поворота выехал и понесся в нашу сторону бежевый «чероки» с тонированными стеклами.

Хмуря брови, Сычиха настаивала:

– Что за гипотеза? Колись.

За мгновение до того, как джип поравнялся с нами, я прыгнул, сбил девушку с ног и накрыл своим телом. Из джипа раздалась автоматная очередь, которая прошла бы нас обоих насквозь, если бы я не был я. Сантиметров за тридцать до моего тела пули распались на молекулы, выделив тепло, совершенно излишнее в эту погоду. «Чероки» умчался и скрылся за поворотом. Там и сям стали появляться люди, словно пробудилось сонное царство. Я встал и помог подняться Сычихе. Отряхивая джинсы, она хладнокровно осведомилась:

– В тебя или в меня?

Я криво усмехнулся.

– По-моему, из Москвы надо линять тебе.

Она взглянула на меня в упор.

– Почему мы живы, Француз?

– Они промахнулись.

– Угу. А возле бара я упала в обморок.

– Так и было.
– Не мели хреновину.
Я тоже отряхнул джинсы.
– Светлана Анатольевна, у вас имеется другое объяснение?
Не сводя с меня изучающих глаз, она поправила:
– Света. Так лучше.
– Света, – я направился к «жигуленку», – уезжай из Москвы. Срочно. – Я приоткрыл дверцу. – Добрый тебе совет: возьми отпуск и уезжай.
Она смотрела так же изучающе.
– Что будет, если уеду?
Я сел в машину, захлопнул дверцу и выглянул в окно.
– Найду змея и убью.
– Без меня?
– Именно.
Ее серые глаза приобрели оттенок стали.
– Хрен тебе, Глеб Михайлович Грин.
С этим я и уехал. Спорить с ней было бесполезно. Однако, подъезжая к дому, я вновь подумал, что в мире этом не так все плохо.
Но и не слишком хорошо, увы.

Глава 9

В квартире стояла гробовая тишина. Я не встревожился, так как предположил, что Дашка с Ильей, устав анализировать свалившиеся проблемы, отправились на прогулку в шкаф. Это предположение подтвердилось тем, что на кухонном подоконнике лежала папка Ильи, а листы с уравнениями раскиданы не были. Значит, рассудил я, работать он закончил. Достав из холодильника пакет кефира, я вскрыл его и, прихлебывая, прошел в комнату. Здесь я их и обнаружил.

Илья с Дашкой молча сидели на диване. Выглядело это столь необычно, что я буквально застыл в дверях. Не реагируя на меня, Дарья рассматривала свой маникюр. А Илья из приличия кашлянул и воззрился на меня, как на графа Дракулу.

– Привет! – произнес я растерянно.

Дашка и бровью не повела. А Илья пробормотал:

– Мы, вроде, уже виделись.

Признав первую свою реплику неудачной, я наугад произнес вторую:

– Как у вас дела?

Похоже, опять получилось невпадание, поскольку Илья осуждающе покашлял, а Дарья подняла на меня зеленый пылающий взгляд.

– Выметаться сразу или можно вещички собрать?

Я опустил на пол, чуть подумал и спросил:

– Что я сделал?

Теперь выстрел был точным: жена так и взвилась.

– Глеб, давай не будем! В конце концов, мы взрослые люди...

– Сядь! – рявкнул я. – Повтори точно, что я сказал и сделал!

В глазах Ильи мелькнула догадка.

– Дуська... чтоб я так жил!

Дашка ошеломленно на него воззрилась, затем перевела взгляд на меня, и по щекам ее потекли слезы. Соображали они быстро, мои золотые.

– Господи... – всхлинула жена, – его же от тебя не отличишь.

Я вскочил с пола.

– Да ну? Значит, я плохо сегодня выгляжу. – В таком бешенстве я давно не был. – А ты куда смотрел, говнюк?! – накинулся я на Илью. – Где твои аналитические мозги?!

Илья протестующе выставил руку.

– Старик, меня тут не было. Я ходил в шкаф купаться. Думал, может повезет без дождя...

– Ну и как, блин, искупался?!

– В лучшем виде, блин! Возвращаюсь, а она тут рыдает. С Глебом, говорит, разругалась. Глеб, говорит, уходя велел: «Когда вернусь, чтоб духу твоего здесь не было!» Что я должен был думать, старик?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.